

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

В. ГИТИН

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Начало начал

История эта началась очень давно, так давно, что некому было отметить точное время и место ее рождения...

Примерно 20 тысяч лет назад, когда человеческий мир был еще совсем юным, по земле, густо поросшей буйной зеленью первобытной флоры, бродили орды закутанных в звериные шкуры существ, которым еще предстояло пройти долгий и очень трудный путь до того рубежа, за которым началась подлинная история человечества.

В этом юном мире, девственном, таинственном и беспощадном в своей животной справедливости, царил единственный закон выживания, который гласил: «Съешь другого, или другой съест тебя».

И дикие люди в звериных шкурах убивали и ели диких зверей, а звери, в свою очередь, убивали и ели их.

Зачастую вопрос жизни и смерти зависел от случайного стечения обстоятельств или соотношения сил Людей и зверей, которое далеко не всегда оказывалось в пользу двуногих существ, не защищенных ни бивнями, ни клыками, ни быстрыми ногами. Их разум еще блуждал в предрассветных сумерках, они панически боялись грома, молнии, ночи с ее зловещей темнотой, жуткими звуками дремучего леса и неисчислимыми опасностями, которые приходили на смену покинувшему их на время спасительному солнцу.

Они, правда, владели рукотворным огнем и оружием из камня, но ни то, ни другое не давало им особых преимуществ в борьбе за выживание в первобытной глуши...

...Из всего племени их осталось пятеро — трое мужчин и две женщины. Остальные погибли в ту страшную ночь, когда земля задрожала и извергла из своего чрева огонь и раскаленный поток, жадно пожиравший людей, зверей и деревья.

Эти пятеро остановились на ночлег в узкой, зажатой между отвесными скалами ложбине. Женщины наломали сухих веток кустарника, а мужчины разожгли костер. Зябко поеживаясь, они расселись вокруг огня, медленно, чтобы продлить удовольствие, жуя белесоватые корни, которые собрали во время дневного перехода.

Это были волки, такие же голодные, как и люди, сидящие у костра.

Как и люди, они весь день бежали, забывая о пустых желудках, спасаясь от того неведомого жара, который с одинаковой жадностью поглотил и племя людей, и стаю волков.

И сейчас, в этой ложбине, чудом спасшиеся остатки стаи пристально смотрели на чудом спасшиеся остатки племени.

Люди почувствовали опасных соседей и придвинулись поближе к огню — их

В. ГИТИН

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Начало начал

История эта началась очень давно, так давно, что некому было отметить точное время и место ее рождения...

Примерно 20 тысяч лет назад, когда человеческий мир был еще совсем юным, по земле, густо поросшей буйной зеленью первобытной флоры, бродили орды закутанных в звериные шкуры

существ, которым еще предстояло пройти долгий и очень трудный путь до того рубежа, за которым началась подлинная история человечества.

В этом юном мире, девственном, таинственном и беспощадном в своей животной справедливости, царил единственный закон выживания, который гласил: «Съешь другого, или другой съест тебя».

И дикие люди в звериных шкурах убивали и ели диких зверей, а звери, в свою очередь, убивали и ели их.

Зачастую вопрос жизни и смерти зависел от случайного стечения обстоятельств или соотношения сил Людей и зверей,

которое далеко не всегда оказывалось в пользу двуногих существ, не защищенных ни бивнями, ни клыками, ни быстрыми ногами. Их разум еще блуждал в предрассветных сумерках, они панически боялись грома, молнии, ночи с ее зловещей темнотой, жуткими звуками дремучего леса и неисчислимыми опасностями, которые приходили на смену покинувшему их на время спасительному солнцу.

Они, правда, владели рукотворным огнем и оружием из камня, но ни то, ни другое не давало

им особых преимуществ в борьбе за выживание в первобытной глуши...

...Из всего племени их осталось пятеро — трое мужчин и две женщины. Остальные погибли в ту страшную ночь, когда земля задрожала и извергла из своего чрева огонь и раскаленный поток; жадно пожиравший людей, зверей и деревья.

Эти пятеро остановились на ночлег в узкой, зажатой между отвесными скалами ложбине. Женщины наломали сухих веток кустарника, а мужчины разожгли костер. Зябко поеживаясь, они расселись вокруг огня, медленно,

чтобы продлить удовольствие, жуя белесоватые коренья, которые собрали во время дневного перехода.

Это были волки, такие же голодные, как и люди, сидящие у костра.

Как и люди, они весь день бежали, забывая о пустых желудках, спасаясь от того неведомого жара, который с одинаковой жадностью поглотил и племя людей, и стаю волков.

И сейчас, в этой ложбине, чудом спасшиеся остатки стаи пристально смотрели на чудом спасшиеся остатки племени.

Люди почувствовали опасных соседей и придвинулись поближе к огню – их единственному защитнику.

Волки тоже смотрели на языки пламени, так живо напоминавшие об ужасе прошлой огненной ночи, а сейчас вставшие на их пути к добыче.

Вот пламя взвилось еще выше, разгоняя мрак, а мужчины взяли в руки копья с каменными наконечниками, будто ощерившись тремя исполинскими клыками.

В эту минуту ветер донес едва уловимый запах. Волки разом повернули головы туда, в сторону далекой реки, затем вскочили и

исчезли так же бесшумно, как появились.

А через некоторое время вдалеке тревожную тишину ночи пронзил протяжный вой.

Люди вздрогнули и переглянулись.

Вой приближался. В нем теперь слышался и азарт погони, и радость близкой победы.

А когда нарастающий топот тяжелых копыт стал приближаться к ним, обгоняя волчий вой, люди вскочили на ноги, нетерпеливо потрясая оружием.

В лощину вихрем влетел огромный старый олень. Увидев

впереди пламя костра и пять человеческих фигур, он метнулся в сторону, туда, где прихотливый рельеф скальной стены образовывал глубокую нишу.

Это было роковой ошибкой рогача. Если бы он продолжал свой бег, эта пятерка голодных, обессиленных людей с тремя копьями и двумя палками в женских руках едва ли могла стать для него сколько-нибудь серьезной преградой. Но вот огонь...

Он прижался задом к скале и выставил перед собой острые рога.

С двух сторон на него наступали люди и волки, забывшие о своей

исконной вражде.

Голод гнал их вперед, на рога загнанного оленя, голод сплотил их в этом отчаянном порыве.

Кроме того, и тех, и других было слишком мало, чтобы самим одолеть исполинского зверя.

Вот один из волков отлетает далеко в сторону с распоротым брюхом, ваг один из мужчин, попытавшихся вонзить копье в бок оленю, падает с раздробленным тяжелым копытом черепом, вот второй волк, скуля и прихрамывая, отскакивает прочь от взбесившегося рогача, но третий волк уже повис на нем, вцепившись мертвой хваткой в

шею, а копыта двух мужчин с хрустом вонзаются в туловище, пронизывая его острой, последней болью.

Олень оседает на задние ноги. Волк отпускает его шею и отпрыгивает назад. Люди тоже отступают, подняв кверху окровавленные наконечники копий.

Олень роняет голову, на его губах появляется кровавая пена.

Все кончено.

И вот теперь наступает момент, который вполне мог бы стать исходным для нашей истории.

Двое оставшихся в живых волков — самец и самка — выжидательно

смотрят на людей, не решаясь наброситься на убитого оленя.

И один из мужчин отрезает два огромных куса оленины и бросает их волкам...

С этой совместной охоты, наверное, все и началось.

Преданья старины глубокой Мчались века и тысячелетия, изменяя облик земли, людей и животных. Возникали государства, общественные формации, религии, философские школы, белокаменные храмы древней Эллады и величественные пирамиды Египта.

Это был уже совсем другой мир, принципиально обличающийся от

того, в котором зародилась наша история, начавший жить по законам общественного, а не животного бытия.

В этом преобращенном мире охота на животных утратила свое первостепенное значение в процессе выживания человека, уступив эту роль земледелию и животноводству.

Среди всех животных, прирученных человеком и приспособленных им для своих нужд, особое место занимала собака, причем не только в жилище хозяина, но и в системе социальных ценностей.

V век до нашей эры. Греческий историк и географ Геродот в своих описаниях современной ему Скифии рассказывает о зловещих культовых ритуалах, посвященных поклонению племенным тотемам.

В списке тотемов древних скифов первое место занимали символы боевых побед в виде железных мечей, а второе место принадлежало священному животному – собаке.

Культовые ритуалы отличались торжественностью и грандиозностью.

Неподалеку от кочевья сооружались циклопических

размеров святилища, представлявшие собой кучи хвороста, сложенные в виде квадрата, каждая из сторон которого была длиной (в переводе на нашу метрическую систему) свыше 500 метров. Венчали эти сооружения либо мечи, либо изображения собак, в зависимости от цели ритуала. Но и в том, и в другом случаях этим тотемам приносились в жертву рогатый скот, лошади и люди.

Как свидетельствовал Геродот, в ходе подобного ритуала «умерщвляется каждый сотый мужчина из числа взятых в плен врагов, и умерщвляется не так, как скот, но иным способом: сделавши

предварительно возлияние на головы людей, их режут над сосудом, потом кровь убитых относят на кучу хвороста и льют на священный предмет. Только кровь относится наверх, внизу у святилища всем убитым людям отсекают правые плечи вместе с руками и бросают в воздух; покончив с принесением в жертву животных, удаляются. Руки остаются там, где упали, а трупы лежат отдельно».

Мы привели столь кровавую цитату лишь затем, чтобы обратить внимание читателей на то, что этот древний народ, имевший столь жестокие нравы, ни во что не

ставящий как человеческую жизнь, так и жизнь лошадей, которые играли огромную, решающую роль в судьбе кочевых племен, тем не менее поклонялись собаке, не представляющей для него никакой практической ценности.

Видимо, на то были свои особые причины, так и оставшиеся загадкой для историков.

Собакам поклонялись и народы, имевшие гораздо более высокий уровень социального и культурного развития.

По свидетельству Геродота, в Египте, в тот же период V века до нашей эры, собаки также считались

священными животными. Это, правда, касалось лишь комнатных собак, но тем не менее факт остается фактом.

В те времена можно было увидеть на берегах Нила пышные похоронные процессии, провожавшие в последний путь скончавшихся четвероногих кумиров.

Их, как представителей высшей знати, бальзамировали и хоронили на специальных кладбищах с почестями, составной частью которых были и человеческие жертвоприношения.

По ним, как впрочем, и по умершим кошкам, носили траур и

даже сбрасывали брови в знак наивысшего проявления скорби.

Культ собак процветал на всем Древнем Востоке.

Представим себе такую ситуацию...

Грек-путешественник, направившийся из Александрии вверх по течению Нила, через несколько дней пути увидел бы высокие стены города, над аркой главных ворот которого красуется изображение собаки, причем не как символ тотемного божества, а как своеобразный герб города.

Заинтересованный путешественник приближается к

городским воротам и низко кланяется стражнику.

— Как называется этот благословенный город, добрый человек? — спрашивает путешественник.

Стражник удивленно смотрит на него, а затем, поправив висящий на груди золотой барельеф, изображающий собачью голову, спрашивает в свою очередь: — Ты не смеешься надо мной, чужеземец?

Путешественник горячо заверяет его в том, что не имеет подобного намерения.

Стражник с подозрением всматривается в его лицо, затем

снисходительно роняет: – Видимо, ты прибыл из какой-то очень далекой и дикой страны, чужеземец, если тебе не известна Каса – жемчужина подлунного мира!

– Каса?! – удивляется путешественник.

Заметив, что стражник грозно хмурит брови, он спешит добавить: – Если название этого города перевести на греческий язык, то оно будет звучать как «Кинопполис».

– Это еще что?

– Город собак, – отвечает путешественник.

– Священный Город собак, – строго замечает стражник.

– Могу ли я быть гостем этого священного города?

– Можешь, – равнодушно пожимает плечами стражник, – если ты готов соблюдать наши законы. Если же нет – закончишь свои странствия у Анубиса, как те двое чужеземцев, которых сегодня казнят на площади.

– Они нарушили закон?

– Да. Один из них убил собаку.

Вот такой, примерно, диалог вел Геродот у городских ворот Кинополиса 2450 лет назад.

А если из Кинополиса направиться на юг, вдоль западного побережья Красного моря, то в

Аддис-Абебе, столице древней Эфиопии, можно было стать свидетелем проверки подданных на своеобразном «детекторе лжи».

...Базарный день. Сквозь густую толпу медленно движется небольшой отряд воинов, во главе которого шагает человек со знаками царского отличия. На поводке, усыпанном драгоценными камнями, он ведет огромного пса, который лениво поворачивает то вправо, то влево массивную голову, приносясь и присматриваясь к стенам живого коридора, по которому идет отряд.

Вот пес неожиданно останавливается и глухо рычит на

плотного торговца в расшитом серебром тюрбане. Торговец, задрожав от страха, пятится, пытаясь скрыться в толпе, но по знаку начальника двое воинов хватают его и связывают руки.

— За что?! — кричит торговец. — Я ни в чем не виноват!

— Не оскверняй свои уста ложью, несчастный! — сурово отвечает ему начальник отряда. — Твоя вина доказана!

— Кем? Этим глупым псом?!

— А? Ты посмел оскорбить царского судью! Рубите ему голову!

Короткий взмах меча...

Отряд продолжает свой путь по базарной площади.

Как видите, собачьей интуиции в древней Эфиопии доверяли настолько, что она подменяла и следствие, и суд.

Об отношении эфиопов к собакам свидетельствуют многочисленные памятники фольклора, сохранившиеся до наших дней. Вот некоторые из них.

«Была у хозяина собака. Всю жизнь она служила верой и правдой, но наконец состарилась, обессилела и перестала сторожить дом. И вот однажды хозяин говорит жене: — Чем зря кормить собаку, не лучше ли

убить ее, а вместо нее взять молодую?

Собака услышала это и очень опечалилась. Вышла на улицу, вспомнила о том, как много лет честно и преданно служила хозяину, и заплакала. Вдруг навстречу идет шакал. Увидел, что собака плачет, и спрашивает ее: — Что с тобой случилось? Какое горе постигло тебя?

— Хозяева решили убить меня: ведь я старая и больше не нужна им.

Пожалел шакал собаку и говорит: — Хоть наши семьи и враждуют, мне жаль твою старость. Я хочу дать тебе совет.

Старая собака обрадовалась и спрашивает с надеждой: – Скажи, голубчик, что мне надо делать?

– Если хочешь, чтобы твои хозяева по-прежнему заботились о тебе, давай сделаем так: завтра утром, как только они выйдут из дома, я вощу в дом, схвачу ребенка и унесу, а ты выскакивай из конуры и бросайся за мной вдогонку. Чтобы хозяева убедились в твоей преданности, я, добежав до ручья, остановлюсь и, будто испугавшись тебя, брошу ребенка. В этот момент ты кидайся на меня и лай изо всех сил. Хозяева прибегут на лай и, увидев все это, сжалятся над тобой.

Собака выслушала этот умный совет и, довольная, возвратилась домой.

На другой день, как только хозяин с женой вышли из дома, шакал вбежал в дом, схватил ребенка и бросился наутек. Собака, следуя его совету, погналась за ним, и как только шакал, добежав до условленного места, остановился и отпустил ребенка, она заслонила ребенка и стала лаять что было мочи.

На лай прибежали муж с женой и видят: собака, которую они решили убить, смело защищает их ребенка от клыков шакала.

С тех пор хозяева опять стали хорошо относиться к верной собаке и продолжали заботиться о ней до самой смерти. Так рассказывают».

Или вот такая легенда: «Два человека враждовали друг с другом. Однажды один из них сидел на берегу реки и точил на камне саблю, чтобы убить другого. Он так наточил саблю, что она стала острой, как бритва. Человек решил испытать ее остроту и силу удара, и отрубил голову своему преданному псу, который сидел рядом. Потом он поднял саблю и стал разглядывать ее.

Пока он старался разглядеть на сабле следы крови или зазубрины,

блеск сабли привлек внимание его врага. Тот неожиданно напал на него и вонзил в него копье. Кровь убитого смешалась с кровью его собаки.

Так рассказывают. В народе говорят, что пролить кровь собаки — тяжкий грех».

Но собаки в те далекие времена были не только объектом поклонения, а и активными помощниками своих «старших братьев».

Они помогали пастухам пасти стада, они служили неутомимыми и самоотверженными загонщиками во время охоты знатных египтян и ассирийцев на диких зверей, они в

качестве боевого авангарда храбро сражались с неприятелем на полях сражений.

Боевые собаки древних персов, с ошейниками, на которых были укреплены острые изогнутые клинки, с ревом бросались навстречу вражеской коннице, распарывая животы лошадям и выбивая из седел всадников.

По ночам они несли караульную службу у стен крепостей, предупреждая стражу о приближении неприятельского войска и принимая первый бой...

...После длительной осады и яростного штурма города вражеские

войска гигантской колонной
направились прочь, на восток. За
конницей и пехотой потянулись
обозы. Замыкали строй
неприятельских полчищ тяжелые
стенобитные орудия и громадные,
неуклюжие осадные башни.

Все жители осажденного
Коринфа высыпали на городские
стены, желая своими глазами
убедиться в благоволении богов,
чудесным образом спасших город от
уничтожения далеко
превосходящими силами противника.

До глубокой ночи в городе
слышались радостные крики и
пение. В храмах ярко пылали

жертвенные огни в честь счастливого избавления.

Измученные осадой коринфяне пировали прямо на улицах и на ступенях храмов. Горожане щедро угощали воинов — защитников Коринфа, славя их стойкость и поздравляя с победой над грозным врагом.

А затем опьяненный вином и счастьем нежданной победы Коринф погрузился в глубокий сон, пожалуй, впервые за долгие дни и ночи осады...

Не спали только боевые собаки. Эти сильные и бесстрашные животные тревожно метались по

городским стенам и жалобно скулили
принюхиваясь и прислушиваясь к
обманчивой тишине ночи.

А к городу тихо, без звона
оружия и воинственных криков
приближались вражеские отряды,
отхлынувшие вечером от стен
Коринфа только лишь затем, чтобы
усыпить бдительность его
защитников.

Расчет их предводителя был
гениально прост и точен, и пал бы в
ту безлунную ночь Коринф, и
взметнулись бы к черному небу
языки пламени над его
величественными храмами, если бы
взбравшихся по штурмовым

лестницам на его стены вражеских воинов не встретили недремлющие и верные защитники – собаки.

Они остервенело бросались на воинов, сбивали их с ног, рвали их тела... и сами падали под ударами коротких острых мечей, смешивая свою кровь с кровью убитых врагов.

Когда в бой вступили коринфские солдаты и горожане, в живых остался только один пес, истекающий кровью от многочисленных ран.

Двое солдат отнесли его в безопасное место, вручив попечению врачей, а остальные, пораженные и воодушевленные беспримерным

мужеством своих четвероногих соратников, наголову разбили штурмовые отряды противника.

А утром на площади перед Форумом, где собралось все население города, раненого героя торжественно пронесли на носилках под триумфальной аркой из живых цветов и после благодарственных речей надели на него серебряный ошейник с надписью: «Спаситель Коринфа».

Собаки были героями множества легенд и мифов Древнего мира.

Так, согласно легенде, собака вскормила Хира, царя Персии, а

волчица – основателей Рима Ромула и Рема.

А в греческих мифах собаки либо наделены сверхъестественными качествами, либо являются верными спутниками и помощниками как богов, так и людей.

«В подземном царстве струятся дающие забвение всего земного воды реки Леты. По мрачным полям царства Аида, заросшим бледными цветами, носят я бесплотные легкие тени умерших. Они сетуют на свою безрадостную жизнь без света и без желаний. Тихо раздаются их стоны, едва уловимые, подобные шелесту увядших листьев, гонимых осенним

ветром. Нет никому возврата из этого царства печали. Трехглавый пес Кербер, на шее которого движутся с Грозным шипением змеи, сторожит выход».

И в этом же мифе: «Над всеми привидениями и чудовищами властвует великая богиня Геката, Безлунной ночью блуждает она в глубокой тьме по дорогам и у могил со своей ужасной свитой, окруженная стигийскими собаками. Она посылает ужасы и тяжкие сны на землю и губит людей. Гекату призывают как помощницу в колдовстве, но она же и единственная помощница против

колдовства для тех, которые чтят ее и приносят ей на распутьях, где расходятся три дороги, в жертву собак».

А в сюжете скульптурной группы I века до нашей эры, изображающей эпизод из мифа о двух братьях, Зете и Амфионе, когда они привязывают Дирку к рогам разъяренного быка, за женщину вступается собака (видимо, из породы борзых), которая яростно лая, прыгает, пытаясь вцепиться в ногу одного из обидчиков ее хозяйки.

Артемида, богиня охоты, разжеванная тем, что юноша Актеон

увидел ее обнаженной, превращает его в оленя и тогда...

«Собаки Актеона почуяли след оленя; они не узнали своего хозяина и с яростным лаем бросились за ним. Через долины по ущельям Киферона, по горам, через леса и поля, как ветер, неся прекрасный олень, закинув на спину ветвистые рога, а за ним мчались собаки».

Когда легендарный Одиссей после своих странствий под видом нищего странника возвращается на родину, никто из родных и знакомых не узнает его. Но когда Одиссей вошел в ворота своего дворца...

«...там, у самых ворот, лежала старая собака Одиссея, Аргус. Едва только услышала она голос своего хозяина, как насторожила уши. Почуял верный Аргус своего господина, вильнул хвостом и хотел подняться, чтобы броситься ему навстречу, но был уже не в силах двинуться. Всеми брошенный, старый, он издыхал. Узнал своего верного Аргуса и Одиссей. Слеза скатилась из его глаз; поскорее смахнул он слезу рукой, чтобы не заметил ее Эвмей. Шевельнулся Аргус и издох. Двадцать лет ждал он своего господина и сразу узнал его, даже под видом нищего».

Древнегреческие философы в своих изречениях всегда выделяли собак из числа представителей животного мира, отмечая отсутствие у них множества пороков, присущих людям.

Была создана даже философская школа представители которой называли себя киниками (циниками), что означало «собаки». Эти философы провозглашали абсолютную свободу человеческой личности, ставя в пример жизнь бродячей собаки.

Философ Диоген считал бродячего пса символом свободы человека.

Собаки были постоянными спутниками древних прорицателей, веривших в их способность к предвидению.

То, что собаки занимали особое положение в древней Элладе, подтверждают многочисленные фрески, скульптуры и даже монеты. На них обычно принято было изображать царей и символы государственной власти, однако в разные периоды истории Эллады на денежных знаках высокого достоинства чеканились и собачьи барельефы.

Боевые собаки участвовали в победоносных походах Александра

Македонского и Ганнибала, разделяя с воинами и тяготы дальних переходов, и радости военных триумфов.

В римских легионах также были собаки-воины, которые сражались в первых шеренгах и самоотверженно принимали на себя главный удар противника.

Собаки составляли и значительную часть конвоя римских императоров, исполняя роль бдительных и неподкупных телохранителей.

На цирковых аренах собаки участвовали в боях гладиаторов и сами выступали в качестве

полноправных бойцовартистов, сражаясь как с вооруженными людьми, так и со львами, пантерами и медведями.

Собаки помогали людям пасти овечьи стада, охотиться на диких зверей, они сторожили убогие хижины простолюдинов и роскошные дворцы императоров, они служили и тягловой силой, и своеобразными моторами в нехитрых сооружениях, предназначенных для подачи воды из глубоких колодцев...

По свидетельствам современников, римский император Гай Калигула (тот самый, который всерьез намеревался присвоить

звание сенатора своему любимому коню), держал в спальнях покоев специально обученного пса, с которым, по высочайшему приказу, должны были вступать в сексуальную связь самые знатные женщины Рима.

Шли годы, рушились империи, менялся уклад жизни людей, но собаки неизменно занимали в этой жизни особое место, какое никогда не занимал ни один вид животных, прирученных человеком.

Как видим, уже с древнейших времен собаки стали неотъемлемой частью всех сфер человеческого бытия.

Разнообразие этих сфер
продиктовало необходимость
выведения разных пород собак,
отвечающих тем или иным запросам
человека.

И потянулась к солнцу буйная
поросль генеалогических деревьев
древних семейств Мира Собак...

Отряд специального назначения
(семейство догообразных) Их
исторической родиной является
Тибет.

– Эти огромные, устрашающего
вида потомки тибетской горной
собаки вначале использовались для
охраны овечьих стад, но ассирийцы и
вавилоняне, по достоинству оценив

их силу и мощь, сделали из них охотников и воинов, чьи боевые подвиги были восторженно воспеты в легендах Древнего Востока.

Греки начали разводить их как боевых собак в одной из провинций, которая называлась Молоссия. Отсюда и пошло греческое название догов — «молоссы».

На Британских островах их называли «мастифами».

Это же имя догообразные собаки носили в Древнем Риме, где они и охотились, и воевали, и выступали на цирковых аренах, обильно поливая их как собственной кровью, так и кровью своих жертв.

Цирковые представления Древнего Рима отличались изощренной жестокостью, бывшей главным принципом государственной политики, перед которой стояли задачи новых и новых территориальных завоеваний. Отсюда вытекала задача внушения подданным презрения к смерти, физическим страданиям и милосердию к побежденному противнику.

Например, одно из представлений, состоявшихся в Риме во времена-правления Гая Калигулы, имело, по свидетельству очевидцев, такой сюжет.

На арену выходит прекрасный юноша в белых одеждах и миртовом венке на голове. В руке у юноши – кифара (древний щипковый инструмент). Он начинает петь, аккомпанируя себе на кифаре.

Чистый и звонкий голос певца, мелодичные звуки кифары проникают в самую глубину сердец слушателей, которые награждают артиста неистовыми рукоплесканиями. Вот он спел вторую песню, третью...

И вот тогда, когда зрительский восторг достигает своего апогея, на арену выбегает разъяренный лев, который немедленно превращает

кумира публики в бесформенную груду окровавленных останков.

Публика, несмотря на свои нравственные установки и подготовленность к восприятию подобных зрелищ, все же несколько шокирована. И вот, дабы римляне не уходили из цирка со смутным чувством протеста против столь явного вандализма устроителей праздника, в финале был предусмотрен некий акт возмездия за причиненное зло.

Едва лишь лев успевает насытиться несчастным певцом, как на арену с диким ревом вылетает несколько свирепых мастифов,

которым-то и надлежит
восстановить попорченную
справедливость, что они и делают,
превращая льва в кучу лохмотьев
рыжеватой шкуры и обглоданных
костей.

Восторженные зрители
награждают участников финала не
менее бурными аплодисментами, чем
те, которые звучали в честь юноши-
певца...

Древние мастифы стали
родоначальниками огромного
семейства, представителями
которого с одинаковым правом могут
считаться и царственно-

величественные красавцы и простоватые косолапые коротышки.

В средневековой Англии была очень популярна травля быков собаками. Вначале в подобных зрелищах участвовали мастифы, но впоследствии специально для этих целей была выведена производная от них порода.

Это были небольшого роста собаки с мощной рельефной мускулатурой и характерным для догов прикусом нижней челюсти, выступающей вперед.

Полностью соответствующая задачам травли мертвая хватка этих

собак сразу же получила широкое признание.

Вцепившись в нос быка, собака повисала на нем, и как бы тот ни вертел головой, как бы ни ударял собаку о землю, она, словно не чувствуя боли, не отпускала нос быка до тех пор, пока он не падал, измотанный этой борьбой и потерей крови.

Назвали эту собаку бульдогом, что в переводе с английского означает «бычья собака».

Бульдоги стали настолько популярны в Англии, что считались там национальным достоянием и

своеобразным символом британского характера.

Впоследствии, уже в XIX веке, скрещивание бульдога с его прародителем мастифом привело к появлению бульмастифа – огромной и весьма свирепой собаки, сразу же признанной лучшим сторожем среди всех четвероногих, что, правда, было скорее данью прихотливой моде.

В это же время появляется бультерьер – результат скрещивания бульдога с английским терьером.

Эта порода предназначалась для травли быков и медведей, но когда бычья травля была в Англии запрещена законом, бультерьеры

стали примениться для собачьих боев.

Новая порода английских бультерьеров была выведена несколько позднее в результате скрещивания трех пород: терьера, бульдога и далматина. Собственно, именно эта порода и завоевала столь широкую популярность у наших современников, несколько видоизменившись в ходе своего развития.

На материке английские бульдоги смешавшись с иными догообразными породами, стали основанием вежи боксеров,

выведенных специально для травли крупных зверей.

Во Франции середина XIX века отмечена появлением небольших, крепкого сложения, собак с довольно длинными стоячими ушами.

Это был французский бульдог, о происхождении которого в свое время много спорили, но как бы то ни было, прародителем его был дог, в чем сходились приверженцы самых полярных точек зрения. Собственно, споры разгорелись из-за признания французского или же английского происхождения этих собак, что являлось скорее всего следствием

извечного соперничества между Англией и Францией.

В Нидерландах получила распространение такая оригинальная порода, как мопсы. Эти карликовые догообразные собаки были выведены на Востоке, а затем, в XVI веке, появились и в Европе. Ввиду того, что окрас мопсов напоминал геральдические цвета правителей Нидерландов, они стали весьма популярны в этой стране, а затем и в Англии, где долгое время были в моде у аристократов. Но мода со временем прошла, вследствие чего мопсы едва не исчезли с лица земли.

Эта порода возродилась лишь в XIX веке опять-таки в результате очередного витка прихотливой моды.

В этом случае мопсы стали символом благополучия немецкого бюргерства.

Мопс, действительно, чем-то напоминает удачливого бюргера — коренастый, крепкий, с бульдожьей хваткой, недоверчивый и неприхотливый.

Германия стала почвой, на которой взошла еще одна поросль семейства догообразных. Эта порода получила свое название от города Ротвейль-ам-Некар, где эти собаки назывались «мясницкими», потому

что охранили лавки мясников и перевозили на тележках говяжьих туш.

Ротвейлеры вскоре распространились по всему миру, который признал в них отличных сторожей, розыскников и спасателей.

Как видим, догообразные собаки оказали весьма заметное влияние на формирование многих европейских пород. И не только европейских...

Во времена раннего средневековья жители северного побережья европейского континента находились в постоянном страхе, вызванном жестокими набегами скандинавских викингов.

Отважные и беспощадные воины-разбойники сеяли ужас и разрушение везде, где причаливали их остроносые корабли. Они сжигали целые города, уничтожали скот и посевы, уводили в рабство людей.

Викингов в их набегах сопровождали боевые доги.

Эти четвероногие разбойники ничуть не уступали в храбрости и свирепости своим двуногим товарищам, упорно продвигавшимся все дальше и дальше на запад.

Пришло время, когда Северное море стало казаться неумным викингам недостаточно широкой ареной для их дерзких набегов, и они

все чаще и все дальше начали выходить в Атлантику.

Так, еще задолго до триумфального путешествия Христофора Колумба, викинги со своими догами нанесли визит восточному побережью нынешней Канады. Часть викингов основала первые колонии европейцев на островах Канадского архипелага, отнюдь не требуя себе лавров первооткрывателей.

В тех краях боевые доги викингов смешивались с местными лайками. В результате на полуострове Лабрадор возникла новая порода, унаследовавшая от

догов мощное сложение и черный окрас, а от лаек – выносливость и густой пушистый мех. Была у этих собак еще одна особенность – они, в отличие от догов и лаж, страстно любили плавать, причем, стремились в воду так настойчиво, будто она была их родной стихией. Это удивительное свойство было подмечено и развито у новых поколений этой породы, которая стала называться «лабрадор».

На соседнем с Лабрадором острове Ньюфаундленд в результате дальнейшего скрещивания лабрадорских со бак с собаками, которые попадали в бухты

Ньюфаундленда на испанских и португальских кораблях, появился новый подвид собак-водолазов» который был назван «ньюфаундленд».

Эти огромные черные псы имели самое различное применение: они были и упряжными, и вьючными животными, и сторожами, и охотниками на волков, и, конечно же, рыбками, помогающими вытаскивать из моря сети с уловом, и спасателями людей, оказавшихся за бортом судна.

Столь ценные качества этих собак, разумеется, не могли долго оставаться достоянием рыбаков Ньюфаундленда, и новая порода

вскоре распространилась сначала в Европе, а затем и в Азии.

Одному из представителей этой славной породы суждено было оказать невольное, но весьма заметное влияние на ход мировой истории, которая, к сожалению, не сохранила для потомков его достойное имя.

Это произошло 2 мая 1814 года. К острову Эльба направлялся корабль, на борту которого был необычный пассажир – низложенный император Франции Наполеон I.

Остров Эльба площадью в 223 квадратных километра должен был стать последним владением и

последним пристанищем недавнего властителя Европы.

На борту корабля находился, кроме сопровождающих императора людей, большой черный ньюфаундленд. С какой целью его везли на Эльбу – не известно. Ясно лишь одно: он не был в составе конвоя, так как уже тогда ньюфаундленды проявили полную неспособность нести караульную службу из-за отсутствия необходимой этого агрессивности.

Осталась загадкой истории и причина, по которой Бонапарт оказался за бортом судна: то ли он искал смерти в волнах Средиземного

моря, то ли это была попытка к бегству, то ли его толкнули за борт по чьему-то тайному приказу...

Прежде чем вахтенный крикнул: «Человек за бортом», ньюфаундленд, до этого мирно дремавший на корме, резко вскочил и бросился в бушующие волны.

Моряки спустили шлюпку на воду, и через несколько минут ньюфаундленд передал им спасенного Бонапарта.

Так, по крайней мере, гласит одна из легенд, которыми было окружено имя, этого незаурядного человека.

ставшими классическими, как ньюфаундленд.

На старинных гравюрах нередко можно увидеть закованного в тяжелые латы испанского или португальского воина, рядом с которым – собака, преисполненная такой же силы и агрессии, как и ее хозяин.

1513 год. Испанский конквистадор Васко Нуньес де Бальбоа в сопровождении двух сотен таких же, как и он, авантюристов предпринимает поход через Панамский перешеек на восток, к Тихому океану. Там, на той стороне перешейка, по его сведениям,

находится страна, где золото ценится не выше, чем кожа на ошейнике Леонсино, любимого боевого пса конкистадора.

И вот отряд де Бальбоа отправляется в недолгий, но опасный путь через стремнины рек, болота и горные ущелья.

Им приходится прорубать себе путь мечами сквозь непроходимые тропические леса, дышащие ядовитыми испарениями, они карабкаются на обожженные солнцем скалы и бредут, в своих стальных доспехах, по горло в зловонной жиже болот.

Они падают и снова встают, чтобы идти дальше, на берег неведомого еще океана, где так много желтого металла, который искупит все их страдания и все их грехи...

Некоторые из солдат не могут подняться после очередного привала, Изнуренные лихорадкой.

Командир отряда бросает их на произвол судьбы. Он спешит поскорее достичь волшебного берега.

И вот, когда до заветной цели, казалось бы, остался один, последний отчаянный бросок, дорогу заметно поредевшему отряду преграждают индейские воины,

полуголые, раскрашенные, с короткими копьями в руках.

Бальбоа отдает короткую команду, и мушкеты испанцев изрыгают огонь.

Пораженные ужасом аборигены, оставшиеся в живых после смертоносного мушкетного залпа, падают ниц, побросав свои копья наземь.

Нуньеса де Бальбоа, не удовлетворяет эта капитуляция, и он дает вторую команду, теперь уже не людям, а собакам.

Стая голодных, обозленных боевых псов бросается на зрелища на аренах Древнего Рима...

Когда собаки, утолив голод и ярость, отошли наконец от своих жертв, Бальбоа сказал, поглаживая окровавленную морду своей собаки: – Ты храбрый воин, Леонсино. Когда я стану губернатором этого края, ты получишь должность начальника стражи, обещаю тебе!

И отряд двинулся дальше, и вышел на берег неведомого океана, и водрузил там огромный деревянный крест – знак владычества испанской короны.

А еще отряд грабил мирные деревни и убивал их жителей – кого мушкетными залпами, кого мечами, а

кого и клыками своих четвероногих воинов.

При дележе добычи пес Леонсино получает, наравне с другими завоевателями, свою долю в золоте, жемчуге и алмазах.

В обратный путь Леонсино отправился навьюченный двумя увесистыми мешочками, как и остальные солдаты отряда Бальбоа.

Но переменчивая судьба готовит командиру отряда неожиданный сюрприз. По возвращении на побережье Атлантического океана его ждет неприятная встреча с прибывшей сюда испанской эскадрой, доставившей вооруженный

отряд под командованием Франциско Писарро, одного из главных действующих лиц кровавой истории покорения Мексики.

Писарро, не желая делить в дальнейшем золото и почести со столь предприимчивым конкурентом, обвиняет Бальбоа в государственной измене, благо в те времена и в тех краях особых доказательств для обвинения в чем-либо не требовалось. Просто отряд Писарро был более многочисленным, чем отряд Бальбоа, и этого обстоятельства вполне хватило, чтобы Бальбоа был арестован, осужден и казнен.

Когда верный Леонсино увидел, как какой-то человек отрубил широким мечом голову его хозяину, он глухо зарычал и бросился на палача. В яростном прыжке он взвился в воздух... и упал замертво рядом с обезглавленным телом Бальбоа.

— Каков хозяин, такова и собака,
— произнес Писарро, опуская дымящийся пистолет...

Ну, а теперь мы вернемся в Старый Свет, где история семейства догообразных приведет нас на заснеженные вершины Альп, где труднодоступные перевалы с древнейших времен считались самым

коротким и в то же время самым
Опасным путем из Франции в
Италию и Швейцарию.

Бури, снежные лавины,
многочисленные трещины,
предательски присыпанные рыхлым
снегом, сделали этот путь последним
для многих и многих...

Однако люди упрямо
продолжали ходить через альпийские
перевалы, невзирая на возможность
быть погребенными под
многометровой толщей снега,
сорваться в пропасть или
превратиться в ледяной столб на
шквальном морозном ветру.

И вот, на одном из перевалов — на Большом Сен—Бернаре, был построен монастырь, послушники которого посвятили себя благородному и небезопасному делу: они стали, пожалуй, одними из первых в мире горноспасателями.

Монахам помогали специально обученные собаки, которые могли не только обнаружить под слоем снега попавшего в беду путника, но и, заранее чувствуя приближение бури, совершать, говоря современным языком, предупредительные рейды по наиболее опасным участкам Сен-Бернара, где они встречали одиноких путников и приводили их в

монастырь, за крепкими стенами которого те могли переждать ненастье.

Эти собаки могли вести самостоятельный поиск занесенных снегом людей, могли откопать их и даже оказать первую помощь, согревая своим дыханием.

Об этом монастыре и его собаках ходило множество легенд, и некоторые люди специально отправлялись на перевал Большой Сен-Бернар, чтобы своими глазами убедиться в правдивости восторженных, отзывов тех, кому самоотверженные монахи и их

четвероногие помощники подарили спасение от верной гибели.

Эта порода собак, выведенная в результате скрещивания датских догов с пиренейскими овчарками, стала называться «сенбернарами».

Этим добродушным и отважным великанам еще предстоял триумфальный по странам и континентам, а пока они оставались экзотической достопримечательностью альпийского перевала Сен-Бернар, который стал свидетелем многих исторических событий.

Последнее десятилетие XVIII века. Революционная Франция

стремится силой загнать весь мир в «свободу, равенство и братство», провозглашенные ее восставшим народом в 1789 году.

Наполеон Бонапарт, став по сути главнокомандующим французской армии, 9 апреля 1796 г. двинул свои войска через Альпы, намереваясь покорить Италию.

Во время перехода наполеоновских солдат через перевал Сен-Бернар произошел случай, вписавший новую славную страницу в историю Мира Собак.

Один из солдат, обессиленный тяжелым переходом, упал на снег и заснул, не замеченный ушедшими

вперед товарищами. Этот сон вполне мог бы стать вечным, если бы полузамерзшего солдата вовремя не нашел сенбернар по кличке Барри.

Этот пес был всеобщим любимцем в монастыре, где разводилась эта порода собак. В любую погоду — в метель, в туман, в гололед — неугомонный и самоотверженный Барри отправлялся на самостоятельный поиск тех, кто нуждался в его помощи. К тому времени славный Барри спас уже сорок человек. Солдат, заснувший в снегу, был сорок первым.

Барри растолкал спящего и прилег возле него, согревая своим

дыханием...

И тут случилось нечто непредвиденное, грозящее обернуться фатальной несправедливостью: очнувшийся солдат, приняв в темноте своего спасителя за какое-то хищное чудовище, выхватил из ножен тесак и нанес бедному Барри несколько довольно опасных ран. Благородный сенбернар не стал защищать свою жизнь. Истекая кровью, он пополз до монастыря. Монахи отыскиали солдата по кровавому следу, который тянулся за собакой до самых монастырских ворот.

Солдату оказали необходимую помощь, а его спаситель, несмотря на полученные ранения, вскоре выздоровел и жил до конца своих дней в величайшем почете.

В честь славных подвигов Барри и его сородичей был сооружен памятник, увековечивший эту породу семейства догообразных собак.

Их добродушие вошло в поговорку, поэтому сенбернары не используются для караульно-сторожевой службы, к которой оказался пригоден лишь потомок сенбернара и кавказской овчарки, получивший название «московская сторожевая».

А сенбернары и по настоящее время продолжают работать спасателями, фотомоделями, киноактерами и просто живут в наших домах, украшая их своим присутствием и создавая непередаваемую атмосферу доброты и сердечности.

Ну, а достойным украшением и венцом генеалогического семейства догообразных являются, разумеется, собственно доги.

В результате многовековой селекции человечество вывело три основные породы этих прекрасных животных: английский дог, датский и немецкий.

Порода немецкого дога самая молодая. Она возникла лишь в середине XIX века вследствие скрещивания датского дога и мастифов с юга Германии.

Автором этой породы был известный исторический деятель, канцлер Германии Отто фон Бисмарк-Шенгаузен, который утверждал величие своей страны не только в военно-политической и промышленной сферах, но и во всевозможных иных, так что появление немецкого дога по праву стало национальным достижением. Это рослый и благородный красавец

получил всемирное признание и титул императора Мира Собак.

Пастухи и телохранители (семейство овчарок) Это семейство ведет свою родословную, как и догообразные, от тибетских горных собак. Но в отличие от своих сородичей – догов, которым история Древнего мира предопределила военную карьеру, эти собаки были приспособлены людьми для совсем иных целей: они стали охранять овечьи стада.

Отсюда и пошло их название – «овчарки».

Распространившись по Азии и Европе, эти собаки, смешиваясь с

местными породами, приобрели разные, непохожие друг на друга внешне отличительные признаки, однако всех их роднит основное предназначение — охрана овечьих стад.

От тибетской горной собаки произошли среднеазиатские, монгольские и кавказские овчарки.

Кочуя вместе со стадами овец, попадая вместе с ними в плен к завоевателям, восточные овчарки появляются в Ассирии, Вавилоне, Египте, равах Средиземноморья и на севере Европы.

Вследствие этого семейство овчарок пополняется новыми

членами. Это и пиренейская горная собака, охранявшая стада тонкорунных овец-мериносов в Испании, венгерская пастушья собака – пули, итальянская маремма, немецкий ховаварт, французский бриар и, возможно, шотландская колли, хотя точное время и обстоятельства появления этой породы на Британских островах неизвестны.

Долгое время колли исполняла чисто утилитарную пастушью работу и никто всерьез не занимался сохранением чистоты и совершенствованием этой породы. Лишь в 1850 году колли начали

целенаправленно разводить в шотландской резиденции королевы Виктории.

Но нынешний вид этой царственной красавицы сформировался только к 70-м годам прошлого столетия в результате скрещивания овчарки королевы Виктории с сеттеромгордоном и русской псовой борзой.

От классической колли произошло еще несколько пород: борден-колли и уменьшенная копия своей прародительницы — шелти, выведенная на Шетландских островах в северной Атлантике, а также бердед-колли, которая,

впрочем, не получила широкого распространения за пределами Шотландии.

Англия стала родиной еще одного представителя семейства овчарок – бобтейла, или, как еще называют эту породу, староанглийской овчарки.

Эта пушистая, очаровательная как по внешности, так и по нраву, собака вскоре приобрела огромную популярность во всем мире, вследствие чего многие представители породы бобтейлов сменили суровую пастушескую службу на безмятежную домашне-декоративную.

А в Восточной Европе семейство овчарок пополнялось, в основном, за счет завоевательных войн, которые вела в средние века Османская империя.

Захватив большую часть юго-восточной Венгрии, турки привели с собой, в числе других пород, свою пастушью собаку, которая, смешавшись с венгерским пули, явила миру нов породу, представители которой обладали и мохнатой шубой пули, и высоким ростом, «и боевыми качествами сторожей турецких овечьих стад.

Новую собаку стали называть «кувас», что в переводе с турецкого

означает «хранитель покоя». Действительно, в средневековой Венгрии кувасы быстро завоевали славу непревзойденных сторожей и телохранителей.

Подобные качества были присущи и очень похожим на кувасов комондорам — сильным высокорослым собакам с белоснежной густой шерстью.

Кувасы и комондоры отлично зарекомендовали себя не только как сторожа и телохранители, но и как азартные охотники на крупных хищников.

В те времена эти пышные белые красавцы, однако, не

распространились за пределы западных провинций Османской империи.

Нужно заметить, что в ходе своей истории семейство овчарок не пустило столько разнообразных побегов, как семейство догов, в принципе не отклоняясь от своих сугубо утилитарных функций. На протяжении многих и многих веков эти собаки исполняли весьма полезную, но далекую от пышной парадности роль сторожей и пастухов.

К середине XIX века определились основные подвиды семейства классических овчарок:

среднеазиатская, кавказская и южнорусская, выведенная на юге Украины путем скрещивания русских и испанских пастушьих собак с борзыми.

Южнорусская овчарка вскоре заняла одно из ведущих мест в караульно-охранных службах многих стран Европы, став достойной соперницей немецкой овчарке — самому молодому представителю этого славного семейства.

Немецкая овчарка долгое время не признавалась знатоками кинологами в качестве оригинальной породы, и лишь в 80-х годах

прошлого столетия получила официальную регистрацию.

Она с поразительной быстротой завоевала огромную популярность во всем мире как одна из лучших служебных собак с очень широкой амплитудой применения: от квартирного сторожа до солдата действующей армии.

Если говорить о практической пользе, приносимой человеку его четвероногими друзьями, то вклад в нее семейства овчарок настолько велик, что его трудно переоценить.

Кумиры венценосцев (семейство борзых) Борзые всегда занимали особое место в Море Собак, и эта

исключительность во многом предопределила те многочисленные взлеты и падения, которые претерпело это семейство в разные периоды своей бурной истории.

Корни происхождения борзых ведут в глубокую древность.

При археологических раскопках найдены египетские фрески, на которых изображены легкие, поджарые собаки на тонких и длинных ногах, с вытянутой мордой и пышным хвостом. Найдены и мумии этих собак, сопровождавших фараонов не только в земной, но и в загробной жизни.

Зародившись на Ближнем Востоке, семейство борзых быстро распространилось по Северной Африке и Азии, а затем уже, примерно за 1000 лет до нашей эры, в Европе.

Разнообразие климатических условий, как и разнообразие целей разведения борзых, обусловили возникновение множества их разновидностей – от сторожевых и охотничьих до комнатно-декоративных.

Борзым изначально была назначена роль спутников высшей знати – фараонов, эмиров, королей и их приближенных.

В древних странах ислама, где объявляли «нечистыми» абсолютно всех животных, для борзых собак делалось исключение.

Среди арабских борзых, ставших родоначальниками всего семейства этого вида собак, следует прежде всего отметить персидскую борзую под названием салюки, которую еще именуют газельей собакой. Это второе название говорит само за себя: догнать убегающую газель, известную как самое быстрое и чуткое из животных Востока, да еще по рыхлому песку или по крутому горному склону — дело, требующее незаурядной выносливости и

огромной скорости бега, что в полной мере характеризует эту великолепную породу. Тем не менее, несмотря на свои прекрасные охотничьи качества, борзая салюки со временем стала чисто декоративной собакой, украшающей своим присутствием дворцы арабской знати.

В Средней Азии с незапамятных времен была известна и почитаема афганская борзая – мощная, заросшая густой шерстью охотничья собака, гораздо более приспособленная к суровому климату азиатских плоскогорий, чем ее персидские сородичи. Афганскую борзую

обожеествляли, ей посвящали стихи и песни, она считалась национальным достоянием. В Европу афганская борзая попала лишь в XIX веке. Ее появление в Англии можно было бы прокомментировать знаменитой фразой Юлия Цезаря: «Пришел, увидел, победил». Действительно, это был головокружительный успех, сделавший на долгое время афганскую борзую самой престижной собакой Великобритании.

Африканский тип борзой — маленькая изящная левретка, хрупкая, изнеженная, будто

специально выведенная для того, чтобы ее носили на руках.

С левретками связано множество самых различных легенд и курьезов, героями которых были венценосные особы.

Левретки были любимыми комнатными собаками египетских фараонов и других властителей Северной и Центральной Африки. Им воздавали и при жизни, и после смерти поистине царские почести. В некоторых африканских государствах лицам, не относящимся к категории высшей знати, под страхом смертной казни запрещалось держать в своих жилищах левреток.

В Риме во времена Юлия Цезаря комнатно-декоративные собачки пользовались особой популярностью, что вызывало даже некоторое недовольство императора, усматривавшего в этом увлечении проявление изнеженности и ослабления боевого духа нации.

Впрочем, недовольство божественного Юлия враз улетучилось, когда царица Египта Клеопатра, его возлюбленная, во время своего триумфального визита в Рим подарила суровому императору в числе прочих драгоценных сувениров крошечную левретку.

Подарок египетской царицы настолько пришелся по вкусу, что Юлий с тех пор был неразлучен с собачкой. Он брал ее с собой и в военные походы, и на заседания сената, и на пышные торжества по случаю одержанных им боевых побед.

Вся римская знать, в подражание императору, завела в своих дворцах левреток, за которыми снаряжались специальные экспедиции, в том числе и военные.

Однако левретка Юлия Цезаря по-прежнему считалась самой непревзойденной, самой красивой и умной собакой империи.

В Риме поговаривали даже, что император, прежде чем принять какое-либо важное государственное решение, советуется со своей левреткой.

А затем, через несколько лет, накануне его насильственной смерти в зале заседаний римского сената, произошли события, заставившие призадуматься многих, кто был скептически настроен относительно собак-оракулов.

За несколько дней до рокового события Юлий Цезарь узнал, что табуны коней, которых он при переходе Рубикона посвятил богам и отпустил пастись на воле, упорно

отказываются от еды и проливают слезы поистине человеческой скорби. Гадатель по имени Спурина советовал остерегаться опасности, которая грозит императору в ближайшие дни. А в ночь перед смертью его жене Кальпурнии приснилось, что крыша дворца обрушилась и что Цезаря закалывают в ее объятиях.

Однако император пренебрег этими зловещими предзнаменованиями и решил отправиться на заседание сената, где заговорщики уже ждали его, подготовив план убийства.

В то утро любимая левретка громко скулила у ног своего хозяина.

Цезарь время от времени брал ее на руки, ласково поглаживая и предлагая различные лакомства. Но собачка отказывалась от еды и продолжала жалобно скулить.

Поведение собаки заставило Цезаря вспомнить о других предостерегающих знаках судьбы, и он уже решил было не идти в сенат, но пришедший во дворец Деиум Брут, брат Марка Брута (того самого Брута, который отныне войдет в – мировую историю, нанеся Цезарю предательский удар кинжалом), уговорил его не лишать своего

присутствия столь благородное собрание, давно ожидающее героя и кумира народа Италии.

Вырвавшись из рук хозяина, левретка с неожиданной яростью вцепилась зубами в край тоги сенатора-заговорщика, а затем, когда Цезарь встал, чтобы направиться к выходу, собачка бросилась ему под ноги, заливаясь отчаянным лаем.

Юлий Цезарь внимательно посмотрел на нее, вздохнул, покачал головой и вышел из своего дворца, чтобы никогда уже не вернуться назад...

А прусский король Фридрих II, которого за многочисленные

батальные и политические победы называли Фридрихом Великим, во все свои блистательные походы неизменно брал с собой любимую левретку по кличке Бише. Как поговаривали злые языки, Фридрих держал при себе левретку, желая подражать Юлию Цезарю, но так или иначе, одно историческое событие доказало искреннюю привязанность короля к своей четвероногой любимице...

Это произошло в июле 1757 года во время осады Праги прусскими войсками.

Армия императрицы Австрии Марии-Терезии, отступая под

натиском воинственного Фридриха, укрылась за мощными стенами Праги – последнего укрепленного рубежа на пути окончательного поражения. Исход войны должен был решиться именно здесь.

Осада носила отнюдь не позиционный характер. Под стенами города постоянно происходили кровопролитные стычки. Грохот орудийной канонады не смолкал даже по ночам.

В этот день австрийцы бросили в бой почти все основные силы, чтобы отбросить прусские войска от города и разорвать кольцо блокады. Подобный отчаянный шаг был

вызван еще и тем обстоятельством, что в Праге были на исходе продовольственные припасы, а это грозило голодом и эпидемиями.

Разгорелось яростное сражение.

В ходе его прусская пехота была смята и обратилась в беспорядочное бегство, грозившее лишить Фридриха II победных лавров, но стремительная атака гусар прославленного генерала Цитена решила исход сражения в пользу осаждающих.

— Австрийские войска поспешно отступили за мощные городские укрепления.

— Победа, ваше величество! — крикнул еще издали генерал Цитен, подъезжая к королю. — Что с вами, государь? — озабоченно спросил он, увидев, что Фридрих смертельно бледен и едва держится в седле. — Вы ранены?

— Бише, — проговорил дрожащими губами король.

Они ворвались в мою палатку и похитили Бише...

Цитен пожал могучими плечами и закусил длинный ус, чтобы не произнести едкие слова о сравнительной ценности какой-то маленькой хилой собачки и блестящей военной победы.

Кроме своего ремесла и лошадей, старый рубака любил крупных, заросших густой шерстью овчарок и весьма скептически воспринимал пылкую привязанность своего короля к тщедушной левретке, которую, как выражался генерал, «можно признать собакой только с похмелья».

Но Фридрих был безутешен, хотя скрывал это от своих генералов.

Когда Прага была взята штурмом, состоялось торжественное подписание мирного договора с Марией-Терезией, по условиям которого к Пруссии отошла большая часть Силезии, а лично Фридриху

Великому была возвращена Бише, томившаяся во вражеском плену.

После смерти левретки Фридрих воздвиг ей памятник из белого мрамора.

Говоря о придворной карьере породы левреток, нельзя не вспомнить о казни шотландской королевы Марии Стюарт.

Когда ее обезглавленное тело упало на доски эшафота, неожиданно из широкого кармана платья королевы выскочила крошечная левретка, начавшая остервенело облаивать палача, которого эта неожиданная агрессия привела в полное замешательство...

Левретки, впрочем, выполняли не только декоративные функции Франции. В некоторых странах Европы их успешно использовали для охоты на мелкую дичь.

Более крупные представители арабских борзых, распространяясь все дальше на восток, смешались с косматыми горными собаками, стали родоначальниками так называемых «брудастых» или «бородатых» борзых — монументальных мощных собак, принимавших активное участие и завоевательных походах варваров.

В этот же период возникли и две новые породы, ведущие свое происхождение от брудастых борзых,

завезенных на Британские острова кельтскими племенами, — шотландская и ирландская борзые.

Ирландская борзая которую специально готовили для охоты на волков, стала называться «ирландский волкодав».

Эта огромная и устрашающего вида собака очень умна, понятлива, спокойна и добродушна, но вместе с тем обладает неукротимой агрессивностью в конфликтных ситуациях.

Об ирландских волкодавах всегда ходило множество легенд.

Один из представителей этой породы по кличке Гелерт вошел в

историю, став главным героем одной из трагедий, которыми изобиловало то суровое время...

1210 год от Рождества Христова.

В пиршественном зале дворца король Иоанн Безземельный принимает цвет английского рыцарства. Звенят золоченые кубки в честь отважных воинов, чьи подвиги принесли новую славу королевским знаменам.

Ярко пылают факелы.

В огромном камине на вертеле поджаривается туша молодого оленя.

В самый разгар пиршества король встает с поднятым в руке кубком.

Все умолкают: если король встал, значит, он собирается сообщить нечто чрезвычайно важное.

– Доблестные рыцари! – говорит король. – Я постарался достойно вознаградить мужество и верность каждого из сидящих за этим столом, и все же...

Рыцари молча переглядываются.

– И все же, – продолжает Иоанн, – мне кажется, что сидящий по правую руку от меня принц Уэльский достоин особой награды за то, что в последней битве прикрыл короля собственным телом и отразил роковой удар вражеского копья. Вы согласны со мной, милорды?

Рыцари все, как один, встают и склоняют головы в знак согласия.

Король делает знак рукой, и слуга подходит к нему с большой плетеной корзиной в руках.

– Милорд, – обращается Иоанн к принцу Уэльскому, – позвольте мне, в знак благодарности за рыцарский подвиг, вручить вам то, что является символом верности и любви, что нельзя ни отнять силой, ни похитить...

Открыв корзину, он вынимает оттуда щенка ирландского волкодава и протягивает его принцу.

Тот, левой рукой прижав щенка к сердцу, низко кланяется королю.

– Назовем его Гелертом, – предлагает Иоанн, – и выпьем за то, чтобы Гелерт был так же предан своему господину, как его господин предан своему королю!

Звон кубков и громкие возгласы рыцарей заставляют вздрогнуть пламя светильников.

Щенок, будто понимая, что речь идет о нем, благодарно лижет клочковатую бороду своего нового господина...

Шло время. Щенок быстро подрастал, и когда прыщ оставив годовалого сына на попечение прислуги, ушел в поход, по возвращении через четыре месяца

его встретил юный принц Ричард, который шел навстречу отцу, твердо ступая маленькими ножками, а рядом с ним степенно вышагивал огромный красавец-волкодав, радостно виляя хвостом.

Гелерт был неразлучен с малышом, став товарищем его игр и заботливой нянькой, будто понимая, что маленький Ричард, мать которого умерла при его родах, нуждается в особом покровительстве и ласке.

В замке принца все полюбили добродушного и умного пса. Все, за исключением леди Гвендолен, вдовы покойного брата принца.

Она не упускала случая пнуть Гелерта ногой, когда он был еще беспомощным щенком, а потом, когда он подрос, постоянно донимала деверя жалобами на «этого злобного зверя», как она называла пса, и требованиями удалить его из замка.

Эта ненависть имела свои тайные мотивы. Если бы не Ричард, единственный сын и наследник принца Уэльского, у леди Гвендолен были бы все основания претендовать на все владения деверя после его смерти, что в ту богатую кровавыми событиями эпоху было делом весьма вероятным, так как

принц, участвуя во всех походах короля, бился всегда в первых рядах его войска. Эта злобная и коварная женщина не остановилась бы перед убийством ребенка во имя поставленной цели, но на ее пути возникло неожиданное препятствие – пес Гелерт, которого, в отличие от слуг принца, невозможно было ни запугать, ни подкупить.

А Гелерт, будто читая черные мысли леди Гвендолен, при виде ее всегда ощеривался и глухо рычал, чего за ним никогда не наблюдалось в отношении других обитателей замка.

Беспечный принц, наблюдая это, лишь пожимал плечами и шутил: — Гелерт недолюбливает женщин. Что ж, он прав: от них одни неприятности!

Однако никто из числа женской прислуги замка не мог пожаловаться на недоброжелательность покладистого и умного пса...

Одним ненастным осенним утром во дворе замка затрубили рога и послышался залиvistый лай гончих.

Принц отправлялся на охоту.

В густом лесу, раскинувшемся неподалеку от замка, собаки взяли след вепря.

Увлеченный азартом охоты, принц мчался за гончими на своем быстроногом коне, не обращая внимания ни на овраги, ни на колючие ветки, которые то и дело хлестали его по лицу.

По возбужденному лаю гончих и звукам егерских рогов принц определил, что зверь окружен.

Наступал самый решающий, опасный и желанный момент — охоты — встреча с загнанным и разъяренным зверем.

Принц уже направил коня в ту сторону, откуда слышался лай, но вдруг, словно наткнувшись на невидимую преграду, он вскинул

коня на дыбы, а затем, резко развернув его, во весь опор поскакал к замку.

Его сердце сжималось от тяжелого предчувствия.

– Ричард, Ричард, Ричард... – шептал принц, терзая шпорами взмыленные бока лошади.

Миновав подъемный мост, он вихрем влетел во двор, спешил и закричал, взбегая по ступеням парадного крыльца: – Ричард! Ричард!

Навстречу выбежали слуги.

– Где Ричард?! – нетерпеливо спросил принц.

Не дожидаясь их ответа, он поспешил в комнату сына.

Она была пуста.

Принц и его слуги обыскали каждый закоулок огромного замка.

Мальчика нигде не было.

Когда принц, отчаявшись искать сына и решив, что ужасное предчувствие превратилось в не менее ужасную действительность, спустился в зал, там его ждала леди Гвендолен.

— Я ведь не зря умоляла вас, братец, — обратилась она к принцу, — избавиться от этого проклятого пса...

— При чем здесь пес? — отмахнулся принц. — Кста— ти, а где

Гелерт? Он всегда был с Ричардом...

Он замолчал, увидя вбежавшего в зал Гелерта, весело помахивающего хвостом. Морда пса была перепачкана кровью.

– Это он! Это он! – закричала леди Гвендолен. – Этот проклятый пес загрыз Ричарда! Ну, теперь вы, наконец-то, поверите моим словам, братец?

Роковое предчувствие на охоте, исчезновение сына, окровавленная морда Гелерта и громкие крики леди Гвендолен – все это соединилось в огненную стрелу, пронзившую разрываемое от горя сердце принца.

В порыве отчаяния он выхватил меч из ножен, и острый клинок со свистом рассек голову Гелерта как раз между глазами, так преданно смотревшими на своего хозяина.

— Ваше высочество! Ваше высочество! — крикнул вбежавший дворецкий. — Там... Там... — задыхаясь, добавил он, указывая на дверь главного входа.

Принц отшвырнув окровавленный меч, вышел на крыльцо следом за дворецким, готовясь увидеть самое худшее.

Обойдя фасад здания, он обнаружил за выступом стены своего сына, целого и невредимого, а возле

него — распластанного на траве огромного волка с перегрызенным горлом.

Мальчик подбежал к отцу и сказал, указывая на волка: — Это сделал Гелерт.

Принц упал на колени и заплакал, не стыдясь своих слез. На следующий день верного Гелерта хоронили, как рыцаря, со всеми воинскими почестями. На его могиле принц Уэльский, горько раскаиваясь в содеянном, просил Господа простить ему самый тяжкий из совершенных им грехов.

Через некоторое время на могиле Гелерта был установлен

величественный памятник, а леди Гвендолен была сослана в один из отдаленных замков, где вскоре умерла от злобы и отчаяния.

Ирландские волкодавы были возведены в ранг национального достояния.

В более поздние времена, когда на территории Европы бушевала Тридцатилетняя, война 1618 – 1648 гг., здесь стал наблюдаться угрожающий рост количества волков, что повлекло за собой массовый вывоз с Британских островов ирландских волкодавов. Это явление приобрело столь широкий размах, что Оливер Кромвель, правивший

Англией после свержения короля Карла I, вынужден был издать специальный указ, запрещающий под страхом смертной казни вывоз из страны ирландских волкодавов.

Так же высоко ценились в те времена и шотландские борзые — дирхаунды, используемые для травли оленей, откуда и пошло их название, которое означает «ловец оленей».

От ирландских волкодавов эти собаки отличались утонченной грацией, сделавшей их неизменными персонажами сюжетов старинных гобеленов, и огромной скоростью, позволявшей им легко настигать бегущего оленя. Многие из этих

собак способны были не только догнать оленя, но и в одиночку загрызть его.

Во времена средневековья борзые собаки были постоянными спутниками рыцарей как в военных походах, так и в коротких промежутках мирной жизни, посвящаемых охоте и пышным пирам.

Собаки были символом верности. Их изображения украшали рукояти мечей и гербы городов, драгоценные медальоны и шкатулки.

Собачью верность воспевали барды и менестрели.

Самые доблестные французские рыцари награждались орденом Пса.

Борзые собаки были неотъемлемой принадлежностью интерьера каждого рыцарского замка и королевского дворца, служа своим хозяевам одновременно и престижным украшением, и охотничьей свитой.

Новелла Александра Дюма «Правая рука кавалера де Жиака», созданная на основе исторической хроники 1425 – 1426 гг., описывает характерный эпизод из жизни короля Франции Карла VII: «Сидя в кресле, король время от времени гладил великолепную белую борзую,

лежащую у его ног; собака отвечала на его ласку, вытягивая свою длинную змеевидную шею и приоткрывая глаза, не менее выразительные, чем человеческие. Наконец, король, наклонившись к борзой, издал негромкий свист, хорошо знакомый его любимцу, ибо он тотчас же встал на задние лапы и положил передние на колени короля.

— Знаю, знаю, Верный, ты красивый, а главное, преданный пес, как о том свидетельствует твое имя, — проговорил Карл, — и я очень признателен герцогу Миланскому за этот подарок, которым он порадовал меня гораздо больше, чем присылкой

этих трех тысяч ланг бардов: сначала они разграбили мои земли, а потом проиграли мне битву при Вернее. Итак, обещаю, ты будешь носить красивый золотой ошейник до тех пор, пока у меня на голове есть корона.

– Слышишь, что говорит король, Верный? – спросил кавалер де Жиак, вмешиваясь в разговор Карла с собакой. – Обещание его величества означает, что ты подохнешь с французским гербом на шее.

Верный негромко зарычал.

– Это еще неизвестно, – грустно заметил Карл, по-прежнему лаская борзую. – Ведь многие точат зубы на

эту корону, и она уже лишилась своих лучших жемчужин. Наши грехи, верно, прогневили святого Дионисия, покровителя Франции, или Господа Бога, великого судью королей, ибо дела у нас идут все хуже и хуже.

С этими словами король испустил вздох, на который Верный ответил жалобным визгом.

— Знаете, де Жиак, — снова заговорил король, — с тех пор как меня без конца предают люди, мне не раз хотелось взять в советники моего пса и довериться его чутью, чтобы знать, кто мой друг, а кто недруг.

– В таком случае я недолго буду заседать во главе вашего совета, государь, – сказал де Жиак, – ибо я не пользуюсь благосклонностью Верного.

– Такие чудеса случались, – продолжал король, отвечая на свои мысли, а не на замечание фаворита. – Господь не раз поручал животным служить людям проводниками... Мы заблудились как-то на охоте в Денском лесу, никто из нас не знал, в какую сторону идти, да и спросить дорогу было не у кого. Тут мне пришла в голову мысль отвязать Верного. И что же. Четверть часа

спусти мы увидели на опушке леса наших пажей с лошадьми!

— Ваше величество смешиваем инстинкт с разумом и сердце животного с душой человека.

— Правда, и все же взгляните на эти великолепные глаза, Пьер. Ей-Богу, можно подумать, что в них теплится человеческий разум. Посмотрите на эти уши: пес настораживает их, чтобы слушать то, что я говорю. Можно подумать, что он напрягает слух, хочет лучше понять мои слова. И он действительно многое понимает. Мне стоит прогнать Верного, и он уйдет, позвать его, и он вернется.

Придворные поступают точно так же, а между тем их величают людьми. И все же есть нечто, в чем они неизменно расходятся с чудесным собачьим племенем: они не умеют находить своего повелителя, если он заблудится, и кусают его, если он упадет».

Эту сравнительную характеристику собак и придворных впоследствии часто цитировал Людовик XIII, так что сомневаться в ее исторической достоверности не приходится.

В средние века собаки европейских пород, участвуя в крестовых походах, проникали все

дальше на восток, а восточные породы попадали в Европу, как часть боевых трофеев рыцарей.

Это взаимопроникновение создало предпосылки для совершенствования существующих пород и выведения новых.

Мир потрясали войны, нашествия, эпидемии, открывались и покорялись новые страны, и всюду рядом с человеком находился его неизменный спутник – собака.

В этот период истории зародилась знаменитая порода русской псовой борзой.

...1237 год. Полчища хана Батыя взяли штурмом Рязань, Коломну,

Москву, Владимир.

Как свидетельствует Никоновская летопись, татары шли в поход с многочисленными обозами, в которых было не только боевое обеспечение, но и «всякий скот», среди которого, несомненно, находились и татарские борзые собаки.

Их скрещивание с русской северной лайкой и положило начало породе, унаследовавшей от татарской борзой грацию и высокую скорость, а от лайки — приспособленность к любым погодным условиям и стремительный бросок, так необходимый борзой собаке.

Но время окончательного становления русской борзой как оригинальной породы приходится на «смутное время» правления Лжедмитрия I, выдававшего себя за сына. Ивана Грозного, чудесным образом спасшегося от рук убийц во младенческом возрасте.

Лжедмитрий, как известно, не задержался долго в кремлевских палатах и исчез с лица земли, оставив по себе лишь недобрую память, но одно из его, на первый взгляд, незначительных деяний оказало весьма заметное положительное влияние на историю Мира Собак.

Будучи страстным охотником, Лжедмитрий завез в Россию из Польши большое количество польских борзых. Эти борзые, которых называли «хартами», смешавшись с русскими борзыми, окончательно завершили процесс формирования породы русских борзых в ее классическом варианте.

В царствование российской императрицы Анны Иоанновны начался процесс онемечивания, который, в числе прочих признаков и особенностей, выразился и в выведении новой породы борзых вследствие скрещивания русской псовой борзой и курляндской,

объединивших в своем потомстве скорость бега русской борзой с силой и агрессивностью ее курляндской родни. Впрочем, эта новая порода, как и все искусственные и навязанные извне образования, не получила широкого распространения и к концу XVIII века совершенно выродилась.

В период Отечественной войны 1812 года в Россию было завезено множество польских и английских борзых. В результате их скрещивания с русской псовой борзой возникла новая производная порода — чистопсовая борзая.

Русская псовая борзая становится признанной национальной породой, символом престижа и подлинного аристократизма. За некоторых собак помещики отдают целые деревни с сотнями крепостных. Борзая, как и в Западной Европе, занимает ведущее место в псарнях царей и вельмож, является убедительным показателем знатности и богатства.

В России выпускаются специальные руководства по организации псовой охоты, в которых подробно описываются как ее правила, так и требования,

предъявляемые к внешним параметрам собак и к их выучке.

Охота с борзыми становится не только забавой аристократов, но и своеобразным искусством, владение которым является необходимым условием принадлежности к высшему обществу.

Совершенствуются и усложняются правила как чисто борзовой, так и комплектной охоты, где борзые действуют совместно с гончими собаками. В такой охоте крайне важно строгое взаимодействие этих двух групп. Гончие должны взять след зверя, поднять его и затем гнать на борзых,

которые займутся его непосредственной поимкой. Это взаимодействие достигалось в результате терпеливой и целенаправленной выучки собак, которые во время охоты представляли собой слаженный ансамбль, действующий с размеренностью и точностью часового механизма.

Это было незабываемое зрелище, в котором ценность результата заметно уступала ценности процесса, Изысканная отточенность которого вдохновила не одного живописца и писателя.

В романе классика мировой литературы графа Л.Н. Толстого «Война и мир» есть эпизод, который сам по себе стал хрестоматийным описанием псовой охоты, с изумительной яркостью передающим и ее суть, и характер, и неповторимую атмосферу захватывающего азарта гона, красоты борзогого искусства и пьянящей радости победы.

«Охотник на полугорке стоял с поднятым арапником, господа шагом подъезжали к нему; гончие, шедшие на самом горизонте, заворачивали прочь от зайца; охотники, не господа,

тоже отъезжали. Все двигалось медленно и степенно.

– Куда головой лежит? – спросил Николай, подъезжая шагов на сто к подозрившему охотнику.

Но не успел еще охотник ответить, как русак, чуя мороз к завтрашнему утру, не вылежал и вскочил. Стая гончих, на смычках, с ревом понеслась под гору за зайцем; со всех сторон борзые, не бывшие на сворах; бросились на гончих и к зайцу. Все эти медленно двигавшиеся охотники – выжлятники с криком: «стой!», обивая собак, борзятники с криком: «ату», направляя собак, – поскакали по полю. Спокойный

Илагин, Николай, Наташа и дядюшка летели, сами не зная как и куда, видя только собак и зайца и боясь только потерять — хоть на мгновение — из вида ход травли. Заяц попался матерый и резвый. Вскочив, он не тотчас же поскакал, а повел ушами, прислушиваясь к крику и топоту, раздававшемуся вдруг со всех сторон. Он прыгнул раз десять не быстро, подпуская к себе собак, и, наконец, выбрав направление и поняв опасность, приложил уши и понесся во все ноги.

Он лежал на жнивьях, но впереди были зелены, по которым было топко. Две собаки

подозрившего охотника, бывшие ближе всех, первые воззрились и заложились за зайцем; но еще далеко не подвинулись к нему, как из-за них вылетела илагинская красно-пегая Ерза, приблизилась на собаку расстояния, с страшной быстротой наддала, нацелившись на хвост зайца, и, думая, что она схватила его, покатила кубарем. Заяц выгнул спину и наддал еще шибче. Из-за Ерзы вынеслась широкозадая черно-пегая Милка и быстро стала спеть к зайцу.

— Милушка, матушка! — слышался торжествующий крик Николая.

Казалось, сейчас ударит Милка и подхватит зайца, но она догнала и пронеслась. Русак отсел. Опять надела красавица Ерза и над самым хвостом русака повисла, как будто примеряясь, как бы не ошибиться теперь, схватить за заднюю ляжку.

— Ерзынька! Сестрица! — слышался плачущий, не свой голос Илагина. Ерза не вняла его мольбам. В тот самый момент, как надо было ждать, что она схватит русака, он вихнул и выкатил на рубеж между зелеными и жнивьем. Опять Ерза и Милка, как дышловая пара, выровнялись и стали спеть к зайцу;

на рубеже русаку было легче, собаки не так быстро приближались к нему.

– Ругай! Ругаюшка! Чистое дело марш! – закричал в это время новый голос, и Ругай, красный горбатый кобель дядюшки, вытягиваясь и выгибая спину, сравнялся с первыми двумя собаками, выдвинулся из-за них, наддал со страшным самоотвержением уже над самым зайцем, сбил его с рубежа на зеленя, еще злей наддал другой раз по грязным зеленям, утопая по колена, и только видно было, как он кубарем, пачкая спину в грязь, покатился за зайцем. Звезда собак окружила его...» Такая охота, разумеется, не

могла соперничать в пышности с королевскими выездами XVII века, однако, она способствовала развитию и совершенствованию породы русской псовой борзой.

Семейство борзых в ходе своей истории познало не только медные трубы славы, но и холодную воду отчуждения, и смертельный огонь общественных катаклизмов.

1789 год. Французская революция. Опьяневшим от конфискованного вина и безнаказанно пролитой крови сотен тысяч своих сограждан люмпенам, видимо, было непереносимо видеть грациозных, высоконогих и

благородных животных, всем своим видом подчеркивающим разницу между низменным и возвышенным. Так или иначе, но во времена революции все борзые собаки Франции были поголовно истреблены.

Русские псовые борзые также попадали между жерновами исторических катаклизмов, но, к счастью, избежали фатальной судьбы своих французских сородичей.

Первый из таких критических периодов пришелся на 1861 год, когда в России было отменено крепостное право. Множество помещиков тогда бросали свои имения, казавшиеся им

бесперспективными без применения рабского труда. Желая продемонстрировать свое несогласие с реформой, а также исходя из принципа «Если не мне, то никому», эти озлобленные самодуры уничтожали свои псарни вместе с их четвероногими обитателями.

Тогда погибли десятки тысяч благородных животных.

Следующий период жестоких испытаний наступил после революции 1917 года, когда дворянские имения были разграблены и уничтожены, а борзые – частично истреблены (видимо, по тем же мотивам, что и во времена

французской революции), а частично превратились в бродячих собак. Их тогда подбирали деревенские охотники. Они использовали борзых для охоты на волков которые чрезвычайно расплодились в те годы, а также на лисиц и зайцев.

Каким образом знаменитая порода русской псовой борзой была спасена от полного вырождения.

Созвездие гончих псов (семейство гончих) Предназначение этих собак состоит в том, что они должны, выследив зверя, гнать его на охотников или на борзых, которые будут завершать дело, начатое гончими.

В старину феодалы выезжали на охоту многочисленными конными группами, впереди которых с заливистым лаем бежали стаи гончих. Эти стаи, в зависимости от материальных возможностей устроителей охоты, были довольно внушительными, до полутора тысяч собак.

В наши дни можно только представлять себе все великолепие подобного зрелища: кавалькада живописно одетых охотников, псари, егеря, тысячи гончих и борзых собак... Протяжные звуки охотничьих рогов, топот копыт и

многоголосый хор преследователей, взявших след зверя.

Рулады, выводимые гончими собаками, в свое время были предметом специальных исследований.

Некоторые меломаны принимали участие в охоте, движимые единственной целью — послушать непередаваемую гармонию сотен собачьих голосов самого разнообразного тембра и высоты звучания.

Издаваемый в конце XIX — начале XX века в России «Ежегодник общества любителей породистых собак» часто публиковал на своих

страницах статьи, посвященные уникальным способностям гончих держать след именно того зверя, который был избран объектом гона, безошибочно чужа его среди невообразимого хаоса звериных следов, а также многообразием голосовых сигналов давать охотникам точную информацию обо всех ситуациях, возникающих во время гона.

Полифоническое звучание стаи гончих сравнивали со слаженным хором человеческих голосов. Заливистое пение гончих придавало охоте особую, неповторимую прелесть.

Поиск истоков происхождения этих собак непременно приведет в Древнюю Турцию, где с незапамятных времен была известна гладкошерстная собака средних размеров, с длинными висячими ушами и весьма экзотическим окрасом: на чисто белом фоне густо разбросаны черные или темнокоричневые пятна.

В наше время эта порода носит название «далматин».

У себя на родине, в Турции, далматины использовались в сугубо утилитарном плане: они были воинами и сторожами.

В Западную Европу эти собаки попали вместе с турецкими завоевателями во времена средневековья. Здесь они сразу же обрели статус престижного знака отличия высшей знати.

Изображения далматина встречаются также на гербах и штандартах английских рыцарей.

Далматин – сильная собака, способная развивать большую скорость бега – принимал участие в рыцарских и королевских охотах на крупного зверя, но главным его предназначением в те времена были украшение своей персоной интерьеров феодальных замков.

Впоследствии это почетное предназначение едва не сыграло роковую роль в судьбе этой породы.

Эпоха Гражданской войны в Англии (1645 – 1649) отразилась в истории собачьего мира гонениями на далматинов, которые считались символами феодальной власти. Эти собаки весьма серьезно пострадали от репрессий со стороны кровожадных толп, грабивших имения аристократов. Есть, правда, еще одна причина этих репрессий – религиозная. Далматин считался в Англии итальянской собакой, следовательно, представителем католицизма, а протестанты,

которые в ту пору заняли на Британских островах главенствующее положение, а в особенности их наиболее радикальное крыло — пуритане — относились с крайней нетерпимостью ко всему, что хоть как-то символизировало католическую религию. Так что предположительно итальянское происхождение далматина сыграло в судьбе этой породы весьма отрицательную роль.

Однако, когда в 1660 году в Англии произошла реставрация дома Стюартов и на престол взошел сын казнённого короля — Карл II, далматины были полностью

реабилитированы и получили самое широкое распространение как в Англии, так и на материке, сохранив свое предназначение быть престижной аристократической породой.

Далматина называли «каретной собакой», так как он служил эскортом для роскошных экипажей с золочеными гербами на дверцах, не уступая в скорости самым быстроногим рысакам.

В настоящее время далматин выполняет и комнатно-декоративные функции и служебные, как полицейская ищейка.

А и средние века вислоухие потомки далматина, смешавшись с собаками других пород, стали родоначальниками гончих.

Они быстро и решительно потеснили борзых, считавшихся непревзойденными охотниками, и заняли почетное место на королевских и рыцарских охотничьих празднествах.

Но этим их функции не ограничивались.

Гончие наравне с борзыми принимали участие и в крестовых походах, и в пышных торжествах феодалов, включая даже церемонии коронации Монархов, о чем

свидетельствуют старинные гравюры.

Несмотря на растущую популярность, гончие собаки, однако, не имели четких стандартов, как другие признанные породы.

Но ввиду того, что они стали престижными и, следовательно, дорогими собаками, разведение их стало весьма доходным промыслом. Учитывая пожелания тех или иных заказчиков, проводилась направленная селекция, в результате которой возникали новые и новые разновидности гончих.

Одна из них, называемая «сан-губер», стала корнем, от которого

произошла целая поросль европейских гончих.

Сан-губеры получили свое название от святого Губерта, считавшегося покровителем всех охотников. В память об имени святого французский король Людовик IX построил в Арденнском лесу монастырь, послушники которого стали разводить гончих собак, получивших имя Губерта – покровителя этого монастыря.

В монастыре Святого Губерта впоследствии возникла легенда, дающая своеобразное толкование факту появления монастыря именно в Арденнском лесу. Согласно этой

легенде, молодой и беззаботный рыцарь по имени Франциск Губерт, страстный охотник, как-то поскакал на своем вороном коне в чащу Арденнского леса, где по словам егерей, появился олень редкой красоты и силы.

Вскоре рыцарь услышал восторженный лай своих собак, из чего он сделал вывод, что гончие взяли след.

Рыцарь пришпорил коня.

Радостный лай гончих однако сменился ревом досады, перешедшим в жалобный вой. Затем воцарилась тишина.

Видимо, собаки потеряли след.

Рыцарь придержал своего вороного, напряженно вслушиваясь в тишину дремучего леса.

Гончие снова залились торжествующим лаем, но уже совсем в другой стороне. Уходя от погони, олень менял направление своего отчаянного бега, запутывая следы.

Лай гончих приближался к полянке, где сгорающий от нетерпения Франциск Губерт уже опустил копье, готовя его для смертоносного удара.

Все ближе и ближе голоса гончих. Вот уже слышится треск сучьев под мощными копытами преследуемого собаками оленя. Вот

он вылетел из чащи на полянку, величественный красавец с огромными ветвистыми рогами, достойными украсить собой самую прославленную коллекцию охотничьих трофеев...

Губерт дал шпоры коню и помчался навстречу оленю, целясь копьем в его вздымающуюся грудь.

И вдруг конь замер, как вкопанный, отчего рыцарь едва не вылетел из седла.

Над вершинами вековых деревьев среди ясного неба грянул гром.

Пораженный Губерт увидел между рогами оленя сверкающее

распятие и услышал спокойный и громкий голос: «Зачем ты преследуешь меня, Губерт? Неужели низкая страсть к кровопролитию дороже тебе вечного спасения души?

Дрогнуло боевое копьё в руке рыцаря. Потрясенный, растерянный, он подозвал собак, развернул коня и, опустив голову, направился восвояси.

На той поляне, где произошло столь знаменательное событие, Губерт построил монастырь и всю оставшуюся жизнь посвятил служению Господу.

Так или иначе, но монахи монастыря святого Губерта неустанно трудились над созданием

новой породы гончих, и их труды получили заслуженное признание как в Европе, так и за ее пределами.

Попав на Британские острова, сан-губеры, смешавшись с нормандскими гончими, дали жизнь знаменитой английской породе, называемой бладхаундами, что означает «поиск по крови».

Эти огромные и свирепые псы зарекомендовали себя как непревзойденные следопыты, от которых не мог скрыться ни зверь, ни человек. Они уверенно и быстро отыскивали и похищенный скот, и похитителей этого скота, и браконьеров, и прочих преступников.

Феноменальное чутье
бладхаундов пользовалось в старой
Англии настолько высоким
авторитетом, что на основании его
был издан так называемый «Закон
горячего следа», который действовал
примерно в таком духе...

Глубокая ночь. Тихая улочка в
центральной части Лондона. Дом
вполне добропорядочного
коммерсанта. Хозяин и его
домочадцы крепко спят. Внезапно
раздается громкий стук в парадную
дверь. Стук повторяется. Теперь уже
стучат не кулаком, а, видимо,
прикладом мушкета.

Почтенный коммерсант в ночной сорочке и колпаке спускается в вестибюль, содрогаясь от ночного холода и недобрых предчувствий.

— Кто там? — спрашивает он.

— Открывайте! — звучит в ответ властный голос. — Именем короля!

Едва лишь владелец дома успевает отодвинуть тяжелый засов, как дверь о распахивается, отбрасывая его к стене.

В вестибюль вбегает огромный вислоухий пес, а за ним — четверо солдат и офицер.

— Но... в чем дело, господа? — робко спрашивает коммерсант. — Видимо, вы ошиблись...

— Мы-то ошибиться можем, — отвечает офицер, — но вот Дик — никогда!

— А... кто этот достойный господин, позвольте узнать? Офицер молча указывает на пса.

— Но...

— Вы слышали про Закон горячего следа? — спрашивает офицер.

Коммерсант недоуменно пожимает плечами.

— Так вот, этот закон гласит, что каждый хозяин дома, у двери которого остановится Дик или любой другой блауханд, состоящий на королевской службе, обязан

немедленно предоставить ему все помещения для осмотра!

Не дожидаясь, ответа коммерсанта, офицер щелкнул пальцами и скомандовал: — Ищи, Дик, ищи!

Пес тремя огромными прыжками взлетел по лестнице на второй этаж, откуда слышались испуганные крики детей и женщин.

Через минуту он неторопливо спустился вниз и направился к выходу. Солдаты вышли следом за собакой.

— Что поделаешь — служба, — проговорил офицер уже на пороге. — Это еще ничего, хуже было бы, если

бы Дик и впрямь нашел здесь того, кого искал. Спокойной ночи, сэр!

И небольшой отряд двинулся дальше по темной улице... Бладхаунды использовались не только как ищейки и охотники, но и как собаки-каратели при подавлении восстаний рабов в колониях Англии, Испании, Португалии и Бельгии.

От гончих святого Губерта ведут свое происхождение английские фоксхаунды — охотники на лис, ставшие впоследствии одной из самых популярных на Британских островах охотничьих пород.

Специально для охоты на зайцев в Англии была выведена порода

харьеров, которых еще называли «заячьими гончими», а во Франции эту роль исполняли довольно оригинальные потомки стройных атлетов сан-губеров, получившие название «бассеты», что в переводе означает «коротконожки».

Эти собаки отличаются тем, что состоят как бы из двух частей, принадлежащих совершенно разным породам: голова и туловище крупной гончей опираются на лапы маленькой комнатно-декоративной собачки. На первый взгляд — это неуклюжий и довольно нелепый гибрид, созданный по капризу чьей-то нездоровой фантазии, к тому же

совершенно непригодный к охотничьей деятельности.

В действительности же бассеты — сильные и неутомимые гончие, которые с равным успехом способны охотиться как на зайцев и лис, так и на вепрей, и на волков.

Английские сородичи бассетов — бигли — у себя на родине занимались исключительно заячьей охотой, но, попав на материк, великолепно проявили себя как универсальные гончие.

В Германии эту ветвь семейства гончих псов представляла такса.

Несмотря на приземистость и сильно вытянутый формат, такса

проявила себя отличной гончей и норной собакой, умной, ловкой и чрезвычайно азартной в охоте на мелкого и среднего зверя.

Пик популярности таксы пришелся на начало XX столетия, когда во всей Европе царило повальное увлечение этой породой, правда, более всего воспринимавшейся лишь в статусе комнатно-декоративной.

Такса была символом респектабельности и домашнего уюта. Ее популярность была настолько велика, что выпускаемые в 20 – 30 годы некоторые модели немецких «фольксвагенов» линиями

корпуса почти в точности напоминали этого четвероногого кумира гостиных Берлина и Парижа.

А ветвь классических германских гончих представлял прямой потомок сан-губеров — ганноверская ищейка, ставшая одной из самых популярных пород гончих собак Европы.

Испанские гончие, названные в честь своей родины спаниелями, также занимают одно из самых почетных мест в этом большом и прославленном семействе.

В конце XIX века среди них выделились в самостоятельные породы спрингеры, или большие

спаниели, кламберспаниели, весьма популярные среди английских аристократов, норфолки, черные, или филд-спаниели, английские и американские коккер-спаниели самые маленькие в семействе, а также русские спаниели, которые, впрочем, стали признанной породой лишь к середине нашего столетия.

Достойное место занимают в семействе гончих и потомки спаниелей – сеттеры.

В Англии сеттера называют «собакой лордов». Он сочетает в себе и величественную грацию аристократа, и стремительную мощь профессионального бойца.

Долгое время сеттеры разводились достаточно стихийно, но в 1861 году были наконец-то определены четкие параметры трех основных разновидностей сеттеров, Ими стали; английский пятнистый сеттер черный шотландский сеттер-гордон и красный ирландский сеттер – всемирно знаменитая охотничья порода.

Думается, что список гончих достойно завершит вирджинская гончая, выведенная по личной инициативе Джорджа Вашингтона, первого президента Соединенных Штатов Америки.

Элегантные птицеловы

(семейство легавых) В средние века широко практиковалась охота на птиц с помощью набрасываемой на них сети.

Специфика подобной охоты состояла в том, что собака, выследив птиц, должны были не бросаться на них, не поднимать в лет, а быстро припасть перед ними к земле, давая возможность охотникам набросить сеть.

Перед этим собаке нужно было бесшумно обыскать местность, а затем, обнаружив дичь, осторожно подползти к ней на брюхе.

Именно эти способность подползать к добыче и ждать действий птицелова, припав к земле, определила название этого семейства собак — «легавые».

В становлении этого семейства принимали участие и спаниели, и гладкошерстные арабские гончие, и испанские гончие собаки.

Первая порода гладкошерстных легавых обладала высокой скоростью бега, подвижностью и незаурядной выносливостью. Однако, в отличие от своих родоначальников, методом кропотливой дрессировки приученных подползать на брюхе к добыче, они не ложились перед

птицей, а замирали в грациозной стойке, вызывавшей восхищение как охотников, так живописцев и скульпторов.

От этой породы произошли многие разновидности легавых, распространившиеся по всему миру.

Наибольшую популярность среди них приобрели легавые, выведенные в Германии: курцхаар, немецкая короткошерстная легавая, жесткошерстные — дратхаар и штихельхаар, немецкая длинношерстная легавая — лангхаар и веймаранер — веймарская легавая.

Эти собаки справедливо считаются самыми достойными

представителями семейства легавых.

Подземные бойцы (семейство терьеров) Эти потомки древнего торфяного шпица еще с давних времен отличались от своего прародителя прежде всего более короткой шерстью и удлинненным стройным туловищем. Сильные, смелые, выносливые, они явили собой тип бойцов и охотников.

Эти Небольшие, в основном черные с подпалинами жесткошерстные собаки яростно уничтожали крыс и с такой же яростью и бесстрашием штурмовали подземные лисьи норы. Собственно, именно из-за этой способности

вести подземные сражения эта порода и получила свое название (по-латински «терра» – земля).

Родиной терьеров является Англия.

В средние века они использовались в чисто утилитарных целях и никто не заботился о выведении породы с зафиксированными характерными признаками, так что долгое время терьеры развивались совершенно стихийно, по крайней мере, до середины XIX века.

А в более ранние времена их использовали и как домашних сторожей, и как охотников на мелких

хищников, и как главных действующих лиц в своеобразном аттракционе, который был весьма популярен в Англии на протяжении многих веков.

Для этого аттракциона выделялись специальные помещения, которые представляли собой грубые миниатюрные копии цирков Древнего Рима.

Суть этого зрелища состояла в следующем: на небольшую, посыпанную опилками арену, окруженную высоким дощатым бортом, за которым, в полутьме и густом табачном дыму, сидели на скамьях и стояли многочисленные

зрители, выпускались огромные, специально отловленные и откормленные крысы. Затем на арену выходила небольшая собачка (пинчер или терьер), которая вступала в бой с крысами.

Зрители заключат между собой пари и делали ставки, причем, не только на предполагаемый исход сражения, но и на время, в течение которого завершится очередной, раунд.

Например, в 1853 году был установлен абсолютный рекорд подобных зрелищ: за 1 час 36 минут было уничтожено 500 крыс.

Правда, далеко не всегда победа оставалась на стороне собак, так как довольно высокий интеллект крыс позволяет им организовывать боевые порядки, отличающиеся слаженными коллективными действиями. Не раз бывали случаи, когда храбрые собачки погибали, не оправдав поставленных на них денег...

Так продолжалось, пока не возник интерес к чистопородному разведению терьеров.

Корнем генеалогического дерева современных терьеров стал уэллский, или вельш-терьер, черный с коричневыми подпалинами.

От него произошли все породы английских терьеров: карликовый той-терьер, белый терьер, родственник итальянской левретки, шотландский (или скотч-терьер) и довольно оригинальный скай-терьер, очень вытянутый в длину при очень низком росте.

Скай-терьер Бобби вошел в историю тем, что после смерти своего хозяина прожил 14 лет на его могиле.

В Эдинбурге стоит памятник славному Бобби, на пьедестале которого высечена надпись: «Самой преданной в мире собаке».

От скай-терьер произошел выведенный в графстве Йоркшир маленький, но чрезвычайно живой и темпераментный йоркширский терьер, быстро завоевавший одно из самых почетных мест среди комнатно-декоративных пород.

В Бедлингтоне, на севере Англии, был выведен один из самых экзотических терьеров – бедлингтон-терьер, изумляющий всех своим сходством с ягненком. Тем не менее этот «ягненок» зарекомендовал себя прекрасным домашним сторожем и охотником на мелкую дичь.

Бедлингтон-терьер оставил заметный след в процессе

формирования такой известной декоративной породы, как керри-блю-терьер, или голубой терьер. Впрочем, изысканная красота этих терьеров не мешает им быть вполне надежными сторожами.

Огромную популярность в Англии, да и во всем мире завоевал ирландский терьер, которого еще называли «рыжий дьявол из-за крайней нетерпимости и свирепости по отношению к крысам. Эта собака объединяет в себе множество ценнейших качеств: выносливость, неприхотливость, высокую скорость бега, спокойный, ровный характер в

сочетании яростной агрессией в экстремальных ситуациях.

Породу ирландских терьеров восторженно воспел Джек Лондон в своих повестях: «Джерри — островитянин» и «Майкл, брат Джерри».

Классик мировой литературы, большой знаток собачьего мира так писал о терьере Джерри: «Четвероногий честный мужчина. Пес-мужчина на четырех ногах, и не знаю, есть ли еще такой на свете.

Высшая порода, ей-Богу! Его кровь, умная голова и мужественное сердце проявятся в тысяче поколений...

Отбором предков Джерри руководили вдумчиво и любовно. Выживали только смелые. Его предки были сознательно и разумно отобраны людьми, которые где-то в далеком прошлом занялись дикой собакой и сделали ее такой, какой она представлялась им в мечтах и какой им хотелось ее видеть.

Она никогда не должна была сражаться в углу, как крыса, так как не должна была походить на крысу и забиваться в угол. Она не должна была отступать. Собаки, которые отступали, не были нужны людям».

Семейство терьеров разрасталось и множилось. Оно со

временем пополнилось такими членами, как австралийский терьер, бостонский терьер (США), чешский терьер, московский терьер, немецкий сегодтерьер, группой бультерьеров и еще великим множеством пород, вобравших в свои названия чуть ли не всю карту Англии.

Особое место в этом огромном семействе занимает фокстерьер, или охотник на лис.

Эта небольшая, крепко сбитая собачка, задорно помахивающая королям хвостиком, сразу же стала фаворитом среди терьеров. Она с одинаковым азартом охотится на лис,

на крыс, на барсуков, ей нипочем мороз, она смело бросается и в ледяную воду, и в подземные лабиринты лисьих нор, она — незаменимый помощник человека в охоте на водоплавающую дичь и на кабана, и она же превзойдет любую кошку в деле избавления дома от мышей...

И в наши дни фокстерьер является одной из самых популярных пород многоцелевого назначения.

Известный харьковский кинолог М.Раковский написал книгу «Сага о фокстерьере», где есть такие строки: «Вот она передо мной — небольшая

деловитая собака, охотник на лис и на крыс, живая, веселая и отважная.

И теперь, когда позади пятнадцать лет работы с этой породой, я не жалею о своем выборе. За эти годы перед моими глазами не только любителя, но теперь уже и эксперта-кинолога норных собак, прошли сотни фокстерьеров и тысячи собак других пород, но всех милее для меня жесткошерстный фокстерьер. Считаю его лучшей собакой в мире...

...Недавно я прочел в книге солидного зоолога следующую фразу об охоте с норными собаками: «... Эта жестокая и позорная травля

зверя в его убежище, при которой животное ставится в безвыходное положение, не имеет ничего общего с любительской спортивной охотой...». Я позволю себе не согласиться с этим и хочу проиллюстрировать свое мнение одним фактом из практики, свидетелем которого я был.

Дело происходило 18 января, в субботу, а 26-го закрывался охотничий сезон. Лисья нора имела два отнорка. Один был основной, с большой площадкой перед ним, а в метрах пяти-шести, чуть выше по склону, – другой, более узкий лаз. Нора находилась на склоне

небольшого оврага метрах в пятидесяти от оживленной трассы. Уже было три часа дня, когда собака ушла в нору... Прошло более часа, когда мы наконец решили послушать, что же происходит в норе. Ответом нам была гробовая тишина. Так до темна собака из норы и не появилась. Чтобы быть уверенным, что она не выйдет из норы ночью, мы плотно забили оба выхода палками, а утром, с рассветом, поспешили к норе.

При подходе к ней, наверху, над основным выходом, увидели следы лисицы с красноватыми пятнами.

Очевидно, это были последствия боя с собакой, а может, в норе был подранок.

У главного выхода одна из палок оказалась втянутой внутрь норы, а рядом с ней лисица прокопала небольшое отверстие, через которое и выбралась наружу.

Когда мы вытянули все палки и начали звать собаку, она отозвалась. Ее поскуливание доноси—лось с расстояния приблизительно в пять—шесть метров. Скорее всего, во время боя за ней осыпался грунт, и хотя какое-то отверстие оставалось (что спасло собаку от удушья), тем не менее, выйти из норы она без нашей

помощи не могла. Если бы у нее была такая возможность, она бы еще ночью пробралась к выходу и теперь лежала бы перед загородкой из палок.

Таким образом, мы наглядно убедились в том, что безвыходное положение было не у зверя, а у собаки.

Во и судите, насколько легка работа у норной собаки и насколько спортивна такая охота...

Но мгновенья победной радости вашего фокса, наверное, и есть крупницы истинного счастья, которое дарит нам живая природа...»
Королем терьеров признан потомок

староанглийского терьера,
нескольких пород гончих,
шотландской овчарки и бультерьера,
получивший название
«эрдельтерьер». Его триумфальное
шествие по земному шару началось в
1891 году и не прекращается в наши
дни. Вначале патриотически
настроенные англичане решительно
препятствовали вывозу этих собак с
Британских островов, но, как
говорится, нет такого запрета,
который нельзя было бы нарушить, и
эрдельтерьеры быстро
распространились по всем странам
Старого и Нового Света.

В Германии эти рослые красавцы сразу же попали на военную службу в качестве санитаров, подносчиков снарядов, связных и саперов.

В России эрдельтерьеры стали полицейскими собаками.

В 1917 году они, как и борзые, попали под жернова революции и лишь к середине 20-х годов возродились в России как массовая порода.

Начало XX века ознаменовалось весьма заметным событием в истории семейства терьеров. В Германии на основе английских фокстерьеров была выведена новая

порода, получившая название «ягдтерьер». Эта порода соединила в себе все лучшие качества фокстерьеров, гончих и борзых, что вызвало огромный интерес на всех континентах и подтвердило заслуженную славу германских собаководов.

В России в последнее время возникла порода, называемая «черный терьер». В ее формировании участвовали эрдельтерьеры, ньюфаундленды, ротвейлеры и ризеншнауцеры.

Самая молодая порода терьеров получила широкое применение в

розыскной и караульно-охранной службах.

Карлики и титаны (семейство пинчеров) Как и терьеры, пинчеры происходят от древнего торфяного шпица.

Родиной пинчеров является Германия.

Вначале, как и терьеры, эти собаки развивались стихийно, и лишь в середине XIX века германские собаководы занялись их целенаправленным разведением и совершенствованием.

В Германии выведен целый «букет» разновидностей пинчеров. Это прежде всего карликовый

пинчер, потомок гладкошерстного пинчера и левретки, аффен-пинчер или обезьяний пинчер), потомок гладкошерстного пинчера, терьера и карликового шнауцера, и, конечно же, прославленный доберман-пинчер, которого собаковод-любитель Луис Доберман создал в результате скрещивания старонемецкого пинчера, пастушьей собаки и ротвейлера.

Работа была чрезвычайно долгой и кропотливой, но энтузиаст настойчиво добивался желаемого результата, который многим из специалистов тогда казался

неосуществимой мечтой
самонадеянного дилетанта.

И вот наконец-то в пятом поколении собак Л; Доберману удалось вывести оригинальную породу, которая принесла заслуженную славу как своему автору, так и всему семейству пинчеров.

Доберманы признаны во всем мире непревзойденными ищейками и успешно несут полицейскую службу во многих странах мира.

История сохранила для потомков поразительный случай, когда в 1909 году московский доберман-пинчер по кличке Треф обнаружил трех

убийц за 115 километров от места преступления.

И в наши дни доберман считается одной из самых лучших сторожевых и розыскных собак, умных, бдительных и бесстрашных.

Бравые усачи (семейство шнауцеров) Представителей этого семейства можно увидеть на рисунках Альбрехта Дюрера, датированных 1492 – 1495 гг.

Там изображена довольно забавная собака с длинными, торчащими, как иглы дикобраза, усами.

Эти собаки-усачи стали называться шнауцерами (от

немецкого «шнаубарт» – усач).

Шнауцеры появились в Баварии и других княжествах Южной Германии в раннем средневековье, представляя собой, вероятно, результат скрещивания пинчеров, европейских овчарок, терьеров и брудастых борзых.

Эти собаки быстро завоевали себе огромную популярность в германских землях.

Они одинаково успешно сражались с крысами, которые были настоящим бедствием для средневековой Европы, а также охотились на мелкого и среднего зверя. Зачастую шнауцеры

использовались и как пастушьи собаки.

В настоящее время известны три основные подвиды этого семейства: цвергшнауцер (или карликовый шнауцер), миттель-шнауцер (или средний шнауцер) и ризеншнауцер (или большой).

Шнауцеры проявили себя и как прекрасные 'охотники, и как полицейские ищейки, и как бдительные, неподкупные таможенники, способные обнаружить в багаже пассажиров не только духи и табачные изделия, но и любой из ста видов наркотических веществ, огнестрельное оружие и

взрывчатку, даже если она находится в пластиковой оболочке, крайне затрудняющей ее обнаружение.

Шнауцеры успешно определяют места скрытых повреждений газопроводов и месторождения полезных ископаемых.

Представители этого семейства вписали не одну славную страницу в историю Мира Собак и пользуются заслуженным уважением и любовью в Море Людей.

Впрочем, нет правил без исключений. Известен случай, когда один из главарей колумбийской наркомафии назначил в 1989 году награду в 10000 долларов за голову

ризеншнауцера по кличке Клод, который нанес огромный ущерб преступникам, обнаружив их тщательно замаскированные тайники.

И этот случай не единичен.

Шнауцеры, да и собаки вообще, издавна зарекомендовали себя как активные борцы со злом во всех его проявлениях.

Эта борьба продолжается, как и вечное противостояние света и тьмы, а наши четвероногие соратники в этой борьбе проявляют Мужество и самоотверженность, достойные самых высших наград и благодарной памяти.

Косматые патриархи (семейство шпицев) История собачьего племени была бы неполной без упоминания о семействе, которое имеет все основания оспаривать древность происхождения и у догов, и у борзых. Действительно, прародителем современных представителей семейства шпицев является не кто иной, как древний торфяной шпиц – самая старинная из всех собачьих пород. Это подтверждают археологические раскопки стоянок первобытного человека на севере Европы. Среди домашних животных наших пращуров были собаки, останки которых указывают на явное

родство с современным шпицем.

Собака, названная древним торфяным шпицем, является генетическим корнем происхождения подавляющего большинства существующих пород.

Отличительный признак этого семейства — пушистая шерсть, пышный хвост и острая, похожая на лисью, мордочка, из-за которой, собственно, и возникло название шпиц, что в переводе с немецкого означает «острый».

Среди пород семейства шпицев можно выделить три основные группы.

Прежде всего это карликовый, или померанский шпиц – маленькая собачка ростом чуть выше четверти метра, живая, смышленная, легко поддающаяся дрессировке. Зачастую карликовые шпицы выступают в цирке с трюками, требующими наличия высокоразвитого интеллекта.

Средний шпиц примерно на 10 сантиметров выше карликового. Он такой же, как и его миниатюрный собрат, живой, подвижный и ласковый.

В средние века карликовый и средний шпицы были сугубо декоративными собачками.

Большой шпиц и его ближайший собрат вольф-шпиц (волчий шпиц) отличаются от карликового и среднего шпицев довольно высоким ростом и особенностями окраса. Если мелкие шпицы имеют целую гамму оттенков от черного до оранжевого и белого, то большой шпиц бывает только черным, коричневым и белым, а волчий шпиц — только серебристо-серым с черными пятнами на морде и на кончике хвоста. Именно этот окрас и послужил основанием для названия «волчий».

В средневековой Германии большие шпицы не пользовались

теми привилегиями, которые имели их маленькие собраты, и выполняли функции дворовых собак, охраняя дома и конюшни своих хозяев.

Современные шпицы также успешно несут самую разнообразную службу: от караульно-охранной до комнатно-декоративной.

Любимцы публики (семейство пуделей) Семейство это крайне немногочисленно, но вовсе не потому, что пудель не представляет собой никакого интереса для селекционеров. Это обстоятельство объясняется лишь тем, что представители этой породы настолько ярки, настолько

своеобразны, что просто не нуждаются в каких бы то ни было поправках и дополнениях.

Предпринимались, правда, попытки «улучшить» пуделя то в плане экстерьера, то с целью придания ему желаемой агрессивности, но эти попытки так и не оказали заметного и положительного влияния на эту вполне совершенную породу.

Трудно с уверенностью сказать, какие именно породы участвовали в возникновении пуделя в его современном виде, но и его экстерьер, и повадки прямо указывают на то, что здесь не

обошлось без пастушьих и охотничьих собак. Как показали испытания, у пуделя сохранились врожденные способности овчарки и в то же время он очень любит воду, охотно подавая брошенные с берега предметы.

Так или иначе, но процесс формирования этой породы происходил в глубокой древности, и пудель дожил до наших дней, не претерпев каких-либо заметных изменений.

Исключая, конечно, пуделя-пойнтера, который является самостоятельной породой, все классические пудели разнятся только

лишь своими размерами (большие или королевские, средние и карликовые), а также характером шерстного покрова (курчавые или шнуровые). Во всем же остальном пудели, как говорится, все на одно лицо.

Пудели известны еще с незапамятных времен, но лишь XVII век стал для них «золотым», когда их будто бы вдруг заметили, оценили и единодушно признали всеобщими кумирами.

Именно тогда пудель становится престижной собакой аристократов, неизменным спутником студентов Берлина и Парижа, компаньоном

скучающих дам и премьером цирковых представлений.

Эту породу будто, заново открыли и замерли от восторга. Именно в галантном XVII веке этот кудрявый красавец приобрел ту всеобщую популярность, которую сохранил и до наших дней, став знаменитым персонажем литературных произведений, живописных полотен и кинофильмов.

«Узкими горными тропинками, от одного дачного поселка до другого, пробиралась вдоль южного берега Крыма маленькая бродячая труппа. Впереди обыкновенно бежал,

свесив набок длинный розовый язык, белый пудель Арто, стриженный наподобие льва. У перекрестков он останавливался и, махая хвостом, вопросительно оглядывался назад. По каким-то ему одному известным признакам он всегда безошибочно узнавал дорогу и, весело болтая мохнатыми ушами, кидался галопом вперед».

Герой известного произведения Александра Куприна «Белый пудель» был не столько «собакой своих хозяев», сколько их кормильцем, главным источником существования, выступая в их незамысловатых цирковых представлениях.

Славный пудель Арто
грандиозно танцевал, делал
кульбиты, прыгал через прутик, а
затем, держа и зубах хозяйский
картуз, обходил ряды почтеннейшей
публики, собирая скромный
артистический гонорар, который, по
всем нормам человеческой
справедливости, должен был бы
принадлежать ему одному.

Пудель по праву называется
собакой «артистической» породы.

Действительно, и в наши дни
редкое цирковое представление
обходится без участия пуделей.

Первое упоминание о пуделе в
Англии совпало с одним из

важнейших исторических событий XVII века.

Набравшая силу и вес английская буржуазия заняла главенствующее положение в парламенте, вступив в открытую конфронтацию с королем Карлом I и возглавляемой им партией старой феодальной аристократии.

Разгорелась кровопролитная гражданская война, первое решающее сражение которой произошло 14 июня 1645 г. у – селения Нейзби, севернее Оксфорда. Это сражение, вошедшее в мировую историю как переломное в ходе Гражданской войны 1645 – 1648 гг. в

Англии, отразилось в истории собачьего мира как начало массового распространения пуделей на Британских островах.

...Едва лишь первые лучи солнца заиграли в вершинах тополей вдоль дороги на Нейзби, как обе армии построились в боевом порядке.

В центре каждой из них застыли полки пехоты, ошестинившейся лесом копий, а по флангам — отряды кавалерии.

На пригорок, расположенный между королевской пехотой и левым флангом — Легковооруженной конницей — поднялся Карл I в

сопровождении группы
военачальников.

Прямо против них, на
противоположной стороне поля,
несколько фигур, облаченных в
сверкающие доспехи, слушали
невысокого плотного человека,
который что-то говорил, указывая
рукой на правый фланг королевских
войск.

Это был Оливер Кромвель,
предводитель вооруженных сил
парламента.

– Ваше величество, – обратился
к Карлу граф Левен, Командующий
шотландской пехотой, – судя по
жестикуляции этого пивовара, его

«железные ребра» (так называли конных латников Кромвеля) будут атаковать наш правый фланг.

— Думаю, что левый он также не забудет, — усмехнулся Карл, — а он у нас наиболее уязвим... Легкая кавалерия против кирасиров, да еще на такой местности, ровной, как стол...

— Ваше величество забывает, — вмешался в разговор лорд Монтроз, командующий кавалерией, — что кирасиры принца Руперта Рейнского уже на подходе...

— «На подходе» — еще не значит, что они здесь! — резко бросил Карл, — От Лейчестера всего лишь час

хорошей скачки, и я не понимаю, почему их до сих пор нет. Возможно, принц задержался потому, что причесывал свою диковинную немецкую собаку, о которой все вокруг только и говорят. Вы ее видели, Монтроз?

— Да, — ответил лорд. — Это довольно странное существо, более похожее на овцу, чем на собаку. Я было решил, что принц, будучи большим оригиналом, привез нам из Пруссии...

В это время с неприятельской стороны послышались звуки труб и тяжелый топот огромных,

закованных, как и всадники, в стальные латы, коней.

Битва началась.

Вопреки ожиданиям графа Левена объектом первой атаки войск Кромвеля стал именно левый фланг короля.

Грохочущая лавина «железных ребер» мгновенно смяла изящно-парадную легкую кавалерию Карла I и, не останавливаясь, с крутой дуги разворота ударила в тыл королевской пехоте, которая вынуждена была, разделившись на две части, отражать атаки латников с одной стороны, а с другой — подоспевшей пехоты Кромвеля.

Правый фланг королевских войск составляли кирасиры, которые в создавшейся ситуации также должны были разделиться на две части, так как латники Кромвеля, смяв тылы королевских пехотинцев, ударили по левому флангу кирасиров, а их правый фланг был атакован легкой кавалерией парламентских войск.

Положение становилось критическим. Победа Кромвеля была уже предрешена.

Король приказал начать отступление в сторону Лейчестера.

Сам он с небольшим отрядом легкой кавалерии каким-то чудом

вырвался из плотного кольца «железных ребер» и поскакал по лейчестерской дороге.

Но два отряда кавалеристов Кромвеля, видимо, получив приказ любой ценой захватить живым английского короля, уже с двух сторон мчались наперерез...

Пожалуй, Гражданская война в Англии закончилась бы на три года раньше, чем это было predetermined ходом истории, если бы из рожи на краю лейчестерской дороги не выбежало белое лохматое существо, которое громким лаем привлекло внимание Карла, что

заставило его резко свернуть в поле, раскинувшееся сразу за рощей.

А его преследователей встретили затаившиеся в роще кирасиры принца Руперта Рейнского. Теперь уже соотношение сил было не в пользу конников Кромвеля и после короткой, но яростной стычки они вынуждены были спасаться беспорядочным бегством.

— Как зовут этого... пса? — спросил Карл I, указывая на странную собаку, самозабвенно гонящуюся за бабочками в поле.

— Этого пуделя зовут Бой, ваше величество, — ответил Руперт Рейнский.

Король снял с шеи ленту с орденом Святого Духа, помедлил немного и сказал: – Этот малый вполне заслужил орден за спасение короля, но так как у нас, в Англии, не принято награждать собак, я вручаю орден хозяину этого героя. А пудели пусть отныне и навсегда называются королевскими собаками. И с тех пор стали называть большого пуделя королевским.

По крайней мере, так гласит старая легенда.

Герои белого безмолвия (семейство лаек) Говоря о собачьих семействах, нельзя не упомянуть множество разнообразностей

преданных друзей человека и скромных тружеников – лаек.

Суровые условия Севера способствовали формированию лучших качеств в представителях этой породы: силы, выносливости и крайней неприхотливости. Эти качества сформировались в ходе жесточайшего естественного отбора, обусловленного суровыми условиями Арктики с ее полярной ночью, свирепыми морозами и снежными бурями.

Ввиду отсутствия коммуникаций, малые народы Севера жили обособленно друг от друга, поэтому их лайки к концу XIX века

сохраняли индивидуальные черты, присущие определенной группе собак, живущей на определенной территории.

Из таких местных разновидностей наиболее известна ненецкая лайка, охраняющая оленье стада и работающая упряжной собакой.

Чукотские ездовые лайки издавна славились и на азиатском, и на американском континентах, где они, скрестившись с эскимосскими лайками, образовали знаменитую породу «хаски».

В конце прошлого века были широко известны л камчатская, и

гренландская и местная порода Аляски – лайка «маламут», вошедшая в историю покорения американского Севера.

Лайки «хаски» стали победителями многих гонок на собачьих упряжках, ставших популярными в начале XX века.

В освоении Арктики, Дальнего Востока и Антарктики лайки сыграли огромную, едва ли не решающую роль. Они доставили на Северный полюс 6 апреля 1909 года экспедицию американского адмирала Роберта Пири, а 14 декабря 1911 года – Рауля Амундсена на Южный полюс нашей планеты.

Пожалуй, ни одна из полярных экспедиций не могла бы осуществиться без помощи ее четвероногих участников. Им обязаны своими открытиями и Ф.Нансен, и Р.Скотт, и С.Челюскин, и братья Лаптевы и многие-многие другие исследователи.

В историю собачьего мира вошел пес по имени Дубби, который в начале нашего века был вожакom упряжки знаменитого Скотти Алена, друга не менее знаменитого Джека Лондона, который посвятил писателя в тайны Белого безмолвия Севера и его скромных героев – ездовых лаек.

По инициативе Скотти в 1908 году были организованы марафонские гонки собачьих упряжек, так называемые «Большие гонки», ставшие традиционными. О «Больших гонках» 1908 года было написано множество книг, а впоследствии им посвящались кинофильмы и телесериалы.

Имя Скотти Алена стало синонимом не только спортивной удачи, но и беспримерного мужества, как имя его пса Дубби было известно всей Америке, называвшей его «Величайшей собакой Аляски».

Известен случай, когда Скотти Ален, застигнутый в пути

многодневной снежной бурей, оказался перед весьма жестокой, но, увы, банальной в условиях Арктики дилеммой: либо он отыщет хижину, которая, по его данным, должна была находиться как раз на его пути, либо, не найдя ее, замерзнет в снегах, так как припасы подходили к концу и на много миль вокруг не было никакой растительности, которую можно было бы срубить для костра. Полярная ночь, мороз, пурга...

Вдруг Скотти увидел вдалеке огонек, который показался ему светом в окне заветной хижины. Воспрянув духом, он развернул упряжку в направлении

спасительного огонька, но, к изумлению погонщика, Дубби решительно отказался выполнять его команду. Скотти никогда не оскорблял своего четвероногого друга ударами бича, но сейчас, в отчаянии от грозившей ему, — да и собакам тоже, — гибели и взбешенный открытым неповиновением Дубби, погонщик обрушил на него град ударов. Пес, будто не ощущая их, продолжал вести упряжку по прежнему маршруту. Скотти даже заплакал от бессильной ярости. Вышедшая из-под контроля упряжка мчалась все быстрее...

Вдруг собаки остановились и начали рыть лапами снег. Дубби неожиданно провалился в какую-то яму, которая оказалась лазом, ведущим к той самой спасительной хижине, которая была полностью скрыта под снежным покровом и за огонек которой Скотти принял звезду на горизонте.

Когда погонщик и собаки немного отогрелись в хижине, Скотти извинился перед вожаком упряжки.

Дубби, будто поняв его слова, улыбнулся и лизнул руку человеку, которого он уже не раз выручал из очень опасных ситуаций, ставших

темой бесчисленных рассказов и легенд о героях американского Севера. Многие из этих ситуаций были описаны в «Северных рассказах», в «Белом Клыке» и других произведениях Джека Лондона, узнавшего о них из первых уст.

Действительно, можно ли только лишь силой писательской фантазии воспроизвести следующее: «Упряжка состояла из семи собак. Всем им исполнилось по девять-десять месяцев, и только одному Белому Клыку было восемь. Каждая собака шла на отдельной веревке. Все веревки были разной длины, и

разница между ними измерялась длиной корпуса собаки. Соединялись они в кольцо на передке саней. Передок был загнут кверху, чтобы сани — берестяные, без полозьев — не зарывались в мягкий, пушистый снег. Благодаря такому устройству тяжесть самих саней и поклажи распределялась на большую поверхность. С той же целью — как можно более равномерного распределения тяжести — собак привязывали к передку саней веером, и ни одна из них не шла по следу другой.

У веерообразной упряжки было еще одно преимущество: разная

длина веревок мешала собакам, бегущим сзади, кидаться на передних, а затевать драку можно было только с той соседкой, которая шла на более короткой веревке. Однако тогда нападающий оказывался лицом к лицу со своим врагом и, кроме того, подставлял себя под удары бича погонщика. Но самое большое преимущество этой упряжки заключалось в том, что стараясь напасть на передних собак, задние налегали на постромки, а чем быстрее катились сани, тем быстрее бежала и преследуемая собака. Таким образом, задняя никогда не могла догнать переднюю.

Чем быстрее бежала одна, тем быстрее удирала от нее другая и тем быстрее бежали все остальные собаки. В результате всего этого быстрее катились и сани.

Вот такими хитрыми уловками человек и укреплял свою власть над животными».

Лайки таежной зоны издревле были охотниками. Диапазон их применения весьма широк: от охоты на лося, кабана и медведя до белки, куницы и соболя. Охотники-промысловики всегда оказывали лайке предпочтение перед ружьем: ценный мех добытых зверей

оставался не тронутым пулей или дробью.

К концу XIX века, по мере освоения Севера и Дальнего Востока, лайки разных северных народов и племен стали смешиваться образуя породы, которые известны в наше время карело-финская лайка, западносибирская, восточносибирская, русско-европейская, лапландская; емтландская и другие.